

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

АЙРА ЛЕВИН

ТАКОЙ ЧУДЕСНЫЙ ДЕНЬ

В ДНИ, КОГДА НАМИ ПРАВИТ «ПРОЗАК»,
А КОМПЬЮТЕРЫ СОБИРАЮТ НА НАС КОМПРОМАТ,
РОМАН ЛЕВИНА КАЖЕТСЯ ЕЩЕ БОЛЕЕ ПРОВИДЧЕСКИМ,
ЧЕМ В 1970-М, В ГОД СВОЕГО ОПУБЛИКОВАНИЯ.
GOODREADS.COM

Annotation

В мире будущего человечество упорядочено и сплочено в единую Семью, управляемую и обслуживаемую суперкомпьютером. Общество, защищенное от проблем: расы генетически усреднены — темные волосы, средний рост, чуть раскосые глаза, дождь идет в ночные часы, чтобы не мешать горожанам, а наркотик, обязательный для всех и каждого, гарантирует хорошее самочувствие.

И неужели в этой блестяще отлаженной схеме у кого-то может возникнуть недовольство или, хуже того, склонность к бунту?

Оказывается, это возможно.

Айра Левин

Такой чудесный день

Фантастический роман

Ira Levin

This perfect day

© Ira Levin, 1970

Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

*В такой чудесный день
Мне повторять не лень:
Вуд, Уэй, Иисус и я —
Все вместе мы Семья.
Погиб Иисус и Вуд,
А Уэй и ныне тут,
Где парки и сады,
И больше нет вражды.*

(Считалочка для игры в мяч.)

Часть первая
Детство

Посреди белых бетонных зданий, которые чем дальше от центра, тем становились ниже, расположилась широкая розовая площадка, где около двухсот детей играли и делали упражнения под присмотром десятка воспитателей в белых комбинезонах. Ребята, голенькие, загорелые и черноволосые, лазали сквозь красные и желтые цилиндры, качались на качелях и занимались вместе гимнастикой. В тенистом уголке, на плитах, выложенных мозаикой для игры в «классики», пятеро сбились в тесную, тихую кучку. Четверо слушали, один говорил.

— Они ловят зверей, едят их мясо и носят шкуры, — произнес рассказчик, мальчик лет восьми. — И еще они... это называется «дерутся», специально делают больно — руками, камнями и всякими шгуками. Они друг дружку совсем не любят и никому не помогают.

Слушатели широко раскрыли глаза. Девочка помладше усомнилась:

— Браслет не снимается. Никак. — Она потянула пальцем свой собственный, показывая, какой он прочный.

— Снимается, если есть инструменты, — ответил мальчик. — Ведь снимают, когда добавляют звенья.

— На одну секундочку.

— Но ведь снимают?

— А где они живут? — поинтересовалась другая девочка.

— На вершинах гор. В глубоких пещерах. Везде, где их не найти.

— Они, наверно, больные, — сказала первая девочка.

— Конечно! — рассмеялся мальчик. — «Неизлечимый» — значит больной. Их называют неизлечимыми, потому что они очень-очень больные.

Младший из кружка, мальчик лет шести, спросил:

— А терапия?

Его старший товарищ посмотрел презрительно.

— Без браслетов? В пещере?

— Почему они болеют? — продолжал шестилетний мальчик. — У них ведь есть терапия, пока они еще не убежали?

— Терапия не всегда помогает.

Шестилетка изумленно выпучил глаза.

— Всегда.

— Нет.

— Вот те раз! Вы почему сидите так близко? — К ним подошла воспитательница с волейбольными мячами под мышками. — Во что играете? «Где спрятался кролик»?

Дети мгновенно отпрянули друг от друга, образовав круг пошире, — все, кроме шестилетнего мальчика, который не двинулся с места. Воспитательница посмотрела на него с любопытством.

Из динамиков донеслась короткая трель.

— В душ и одеваться, — велела воспитательница, и дети бросились прочь.

— В душ и одеваться! — крикнула она ребятам, игравшим в мяч.

Шестилетка встал, а она присела и озабоченно посмотрела на его хмурое, несчастное личико.

— Что случилось?

Мальчик, левый глаз которого был карим, как у всех, а правый — зеленым, заморгал.

Воспитательница бросила мячи, повернула запястье малыша, взглянула на браслет и мягко взяла его за плечи.

— В чем дело, Ли? Ты проиграл? Ты же знаешь: проиграть и выиграть — одно и то же.

Мальчик кивнул.

— Главное, что весело и полезно для здоровья, верно?

Мальчик снова кивнул и слабо улыбнулся.

— Уже лучше. Немного лучше. Ты больше не похож на старую грустную обезьянку.

Он улыбнулся пошире.

— В душ и одеваться. — Она облегченно развернула его и шлепнула по попе. — Давай, бегом!

Мальчик, которого иногда называли Скол, а чаще Ли, — цифроимя Ли RM35M4419 — за ужином не проронил почти ни слова, зато его сестра Мира болтала без умолку, и родители не заметили молчания сына. Мать внимательно в него вгляделась, только когда все четверо сидели перед телевизором.

— Скол, у тебя что-то болит?

— Нет.

— Молчит весь вечер, — повернулась она к отцу.

— У меня ничего не болит, — повторил Скол.

— Тогда почему ты такой тихий?

— Ш-ш, — прервал отец.

Экран вспыхнул, настраивалось изображение.

Когда первый час подошел к концу и детям пора было спать, мама направилась в ванную, где Скол уже почистил зубы и отсоединял головку щетки от ручки.

— Что случилось? Кто-нибудь дразнил тебя из-за глаза?

— Нет, — ответил он и покраснел.

— Сполосни, — сказала она.

— Я сполоснул.

— Сполосни!

Он сполоснул чистящую головку, выпрямил ее и повесил на место.

— Иисус сказал. Иисус ДВ. Когда мы играли...

— Что сказал? Про глаз?

— Нет. Никто не говорит про глаз.

— Тогда что?

Скол пожал плечами.

— Про товарищей, которые... болят и уходят из Семьи. Убегают и снимают браслеты.

Мать встревожилась.

— Про неизлечимых?

Он кивнул, еще больше волнуясь оттого, что она нервничает и что знает слово.

— Это правда?

— Нет, не правда. Нет. Я позвоню Бобу. Он все тебе объяснит.

Она поспешно вышла, на пороге чуть не задев Миру, которая застегивала пижаму.

— Две минуты. Они легли? — спросил в гостиной ее муж.

— Кто-то из детей рассказал Сколу про неизлечимых.

— Злость побори!

— Я звоню Бобу.

— Девятый час.

— Ничего, придет. — Она коснулась браслетом панели телефона, произнесла вслух цифрой «Боб НЕ 20Г3018», напечатанное красными буквами на карточке под экраном, и нервно потерла руки. — Я чувствовала, что с ним что-то не так. За весь вечер не сказал ни слова.

Отец встал и направился к двери.

— Пойду поговорю с ним.

— Пусть лучше Боб! Уложи Миру, она еще в ванной!

Двадцать минут спустя пришел Боб.

— Он у себя, — сказала мать.

— Вы оба смотрите телевизор. Садитесь, садитесь. — Он улыбнулся. — Волноваться не о чем. Поверьте. Такое случается сплошь и рядом.

— До сих пор? — спросил отец.

— Конечно. И через сто лет будет то же самое. Дети есть дети.

На их памяти Боб был самым молодым наставником, — ему не исполнилось и двадцати двух; только год, как окончил Академию, а ни малейшей робости, наоборот: спокойствию и уверенности позавидовали бы пятидесятилетние.

Боб заглянул в комнату Скола. Мальчик лежал на кровати с книжкой комиксов, подперев подбородок рукой.

— Привет, Ли.

— Привет.

Боб вошел и сел на край кровати. Поставил телекомп на пол, придерживая ногами, потрогал лоб мальчика и потрепал его по волосам.

— Что читаешь?

— «Жизнь и борьба Вуда». — Скол показал обложку. Потом уронил книгу на кровать — она закрылась — и указательным пальцем принялся водить по толстой желтой букве «В» в слове «Вуда».

— Я слышал, кто-то напел тебе ткань про неизлечимых.

— А это ткань? — спросил Скол, не отрывая глаз от пальца.

— Да, Ли. Когда-то давным-давно было правдой, а теперь нет, теперь — просто ткань.

Скол молчал, ведя пальцем по букве в обратную сторону.

— Медицина и химия теперь более развиты, — промолвил Боб, не сводя с него глаз. — Лет пятьдесят после Унификации товарищи — очень немногие — иногда заболели, и им казалось, что они больше не товарищи. Некоторые ушли на пустынные острова, в горы, которые Семья не использовала, и жили там в одиночестве.

— Они снимали браслеты?

— Полагаю, да. Зачем браслеты, если все равно нет сканеров, куда их прикладывать? Верно?

— Иисус сказал: они... как это... «дрались».

Боб на секунду отвел глаза.

— Да. Только лучше говорить «вели себя агрессивно».

Скол поднял глаза.

— Они уже умерли?

— Умерли. Все до единого. — Боб пригладил его вихры. — Это было давным-давно.

Сейчас такого не случается.

— Потому что теперь медицина и химия больше развиты, и терапия помогает.

— Правильно. И не забывай: в то время было пять разных компьютеров. Стоило только заболевшему товарищу оказаться на другом континенте, с ним полностью теряли связь.

— Мой дедушка помогал строить Уникомп.

— Знаю, Ли. Поэтому следующий раз, когда услышишь про неизлечимых, помни две вещи: во-первых, терапия сейчас гораздо эффективнее, чем много лет назад, а во-вторых, Уникомп следит за нами по всей Земле. По рукам?

— По рукам, — улыбнулся Скол.

— Давай-ка посмотрим, что он скажет про тебя. — Боб поднял на колени и открыл телекомп.

Скол сел и придвинулся, засучивая рукав пижамы над браслетом.

— У меня будет дополнительная терапия?

— Если нужно. Хочешь включить?

— Я? А можно?

— Конечно.

Скол осторожно повернул рычаг большим и указательным пальцами. Загорелись лампочки — голубая, оранжевая, еще оранжевая. Улыбнулся.

Боб, глядя на него, тоже улыбнулся.

— Коснись.

Скол приложил браслет к считывающей панели, и синий огонек рядом с ней превратился в красный.

Проворные пальцы наставника стучали по клавиатуре, потом нажали «ввод»; на экране загорелась одна зеленая строка, другая. Мальчик смотрел, как Боб читает.

Тот взглянул искоса и улыбнулся.

— Завтра в 12:25.

— Хорошо! Спасибо!

— Спасибо Уни! — Боб закрыл телекомп. — Кто сказал тебе про неизлечимых? Какой Иисус?

— Начинается с ДВ33... С двадцать четвертого этажа.

Щелкнули фиксаторы телекомпа.

— Он, наверное, разволновался не меньше тебя.

— Можно ему тоже дополнительную терапию?

— Если надо. Я сообщу его наставнику. А теперь спать, братец, завтра в школу. — Боб положил книгу комиксов на тумбочку.

Скол лег и с улыбкой уткнулся в подушку, а Боб погасил лампу, снова взъерошил волосы мальчика и поцеловал его в затылок.

— До пятницы, — пробормотал Скол.

— Да. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

В зале родители Скола взволнованно встали ему навстречу.

— Он успокоился. Уже почти спит. Завтра в обеденный перерыв дополнительная

терапия. Вероятно, немного транквилизатора.

— Просто гора с плеч, — произнесла мать.

А отец добавил:

— Спасибо, Боб.

— Спасибо Уни, — ответил тот и направился к телефону. — Надо помочь другому мальчику, тому, кто ему рассказал. — Он коснулся браслетом телефонной панели.

На следующий день после обеда Скол спустился из школы на эскалаторе на три этажа. Когда он коснулся браслетом сканера на входе в медцентр, индикатор заморгал зеленым разрешительным огоньком; снова зеленое подмигивание перед отделением терапии, и еще раз — на двери процедурной.

Из пятнадцати кабинок работали четыре, и очередь скопилась приличная. Вскоре, однако, Скол уже взобрался на специальную детскую подножку и, высоко засучив рукав, протянул руку сквозь резиновое отверстие. Он, как большой, держал ее неподвижно, пока сканер на той стороне присоединялся к браслету, а теплый и гладкий инфузионный диск скользил по мягкому предплечью. В аппарате заурчало, забулькало. Синяя лампочка наверху загорелась красным, инфузионный диск защекотал, зажужжал и ужалил. Лампочка снова стала синей.

В тот же день Иисус ДВ, мальчик, который рассказал Сколу про неизлечимых, нашел его на игровой площадке и поблагодарил за помощь.

— Спасибо Уни, — ответил тот. — У меня была дополнительная терапия. А у тебя?

— Да. И у других ребят, и у Боба ЮТ. Это он мне рассказал про товарищей, которые болеют и убегают.

— Немножко страшно.

— Мне тоже, — сказал Иисус. — Но теперь такого нет, это было давным-давно.

— Терапия сейчас лучше, — добавил Скол.

— И Уникомп следит за нами по всей Земле.

— Ага.

Подошла воспитательница и подтолкнула их к огромному кругу из пятидесяти или шестидесяти детей, стоящих на расстоянии вытянутой руки и передающих друг другу мяч. Круг этот занял больше четверти всей оживленной площадки.

Имя Сколу дал дедушка. Он всем им придумывал имена вдобавок к настоящим: свою дочь, маму Скола, вместо Анны называл Сюзу; папа был у него Майком, а не Иисусом (и считал это полной глупостью), а Мира — Ивой. Она страшно сердилась: «Не называй меня так! Я Мира! Мира КД37Т 5002!»

Дедушка Ян был странным. Со странной внешностью. Естественно — все старшее поколение отличалось выраженными особенностями: на несколько сантиметров выше или ниже положенного, слишком светлая или темная кожа, крупные уши, кривой нос. Дедушка Ян был и выше, и смуглее других, с большими выпуклыми глазами и двумя рыжеватыми прядями на седеющей голове. Он не просто странно выглядел — он странно говорил, в этом-то и заключалась его главная странность. Хотя дедушка всегда разговаривал бодро и энергично, у Скола возникало чувство, что он так совсем не думает, а думает как раз наоборот. К вопросу об именах, например.

— Изумительно! Чудесно! Четыре имени для мальчиков, четыре имени для девочек! Никаких ссор, все одинаковые! Конечно, мальчиков называют в честь Христа, Маркса, Вуда и Уэя, как же иначе. Верно?

— Да, — ответил Скол.

— Еще бы! И коль скоро Уни дает четыре имени мальчикам, то и девочкам надо четыре, так? Естественно!.. Слушай! — Он остановил Скола, которому тогда стукнуло семь, присел и заговорил прямо в лицо, причем его глаза навывкате плясали, словно он вот-вот засмеется. (Был праздник, и они направлялись на парад по случаю Дня Унификации или Дня рождения Уэя.) — Слушай, Ли РМ35М26Д449977БЭЮЯ. Я расскажу тебе кое-что невероятное. Когда я был маленький — ты слушаешь? — существовало больше двадцати разных имен только для мальчиков! Представляешь? Правда! Клянусь любовью к Семье. Ян, Джон, Аму, Лев, Хига, Майк, Тонио! А во времена моего отца их было даже больше, может, сорок или пятьдесят! Вот умора! Имена разные, а товарищи-то все абсолютно одинаковые и взаимозаменяемые! Какая невероятная глупость, да?

И Скол кивал, запутавшись и чуя, что дедушка имеет в виду прямо противоположное и что сорок или пятьдесят разных имен для мальчиков — не глупо и не смешно.

— Только посмотри! — продолжал дедушка Ян, ведя Скола за руку через Парк единства к месту парада. — Совершенно одинаковые! Ну не чудо ли? Те же волосы, те же глаза, цвет кожи, фигура; мальчики, девочки — все одинаковые. Как горошины из стручка. Правда здорово? Разве не супер?

Скол покраснел (у него глаз зеленый, не как у всех).

— А что такое «горошины стручка»?

— Не знаю. Была такая еда, пока не появились макси-кейки. Шарья говорила.

Дедушка работал прорабом в ЕВР55131, в двадцати километрах от 55128, где жил Скол с родителями, и по воскресеньям и праздникам приезжал в гости. Его жена, Шарья, утонула во время крушения экскурсионного лайнера в 135-м, в тот самый год, когда родился Скол; больше он не женился.

Другие бабушка и дедушка, со стороны отца, жили в МЕКС10405, и мальчик видел их только по телефону в дни рождения. Тоже странные, но куда уж до дедушки Яна.

Сколу нравилось в школе и нравилось играть. Музей доунификационной истории, «До-У», тоже нравился, хотя некоторые экспозиции наводили страх, например, «копья», «пистолеты» и «тюремная камера», в которой «заклученный» в полосатой форме сидел на нарах и сжимал голову в нескончаемой скорби. Скол всегда смотрел на него — если нужно, даже убежал от своего класса — и всегда после этого быстро отходил.

Нравилось мороженое, игрушки и комиксы. Однажды в центре снабжения он прижал к сканеру браслет и этикетку конструктора. Индикатор замигал красным, и пришлось положить игрушку в корзину для возвратов. Скол растерялся — он ведь пришел в правильный день и выбрал товар из правильной категории. Сзади в очереди кто-то произнес:

— Должна быть причина, мой милый. Позвони наставнику.

Скол так и сделал. Выяснилось, что игрушку не дают временно: он где-то дразнил сканер, снова и снова прикладывая браслет, и теперь Уни учил его больше так не делать. Это было первое в жизни моргающее красное «нет», которое касалось чего-то важного, а не просто запретительный сигнал, когда по ошибке вошел не в тот класс или перепутал день терапии. Отказ расстроил и причинил боль.

Нравились дни рождения, Рождество Христово, Рождество Маркса, День Унификации и День рождения Уэя. Еще больше нравились, потому что были редкими, дни, когда в браслет добавлялись звенья. Новое звено долго-долго блестело ярче других. Потом он про него забывал, а когда спохватывался, все звенья были старыми, совершенно одинаковыми и неразличимыми. Как гарошиныштручка.

Весной 145-го, когда Сколу исполнилось десять, он с родителями и Мирой получил право посетить ЕВР00001 и увидеть Уникомп. Дорога между автопортами заняла час. Сколу казалось, что он никогда в жизни так далеко не ездил, хотя родители говорили, что в полтора года он перелетел из Мекс в Евр, а несколько месяцев спустя — из ЕВР20140 в 55128. Они поехали смотреть на Уникомп в апрельское воскресенье вместе с парой за пятьдесят (чьи-то странные дедушка и бабушка, оба ненормально светлокожие, а у нее к тому же неровно подстрижены волосы) и еще одной семьей, мальчик и девочка в которой были на год старше, чем Скол и Мира. Другой папа повел машину от поворота на ЕВР00001 до автопорта около Уникомпа. Скол с интересом наблюдал, как он переводит рычаг и нажимает кнопки. После стремительного полета было странно снова ехать колесами по земле.

Сфотографировались на фоне белого мраморного купола Уникомпа (белее и красивее, чем на картинах и по телевизору, потому что снежные вершины позади еще величавее, а Озеро вселенского братства — голубее и шире), постояли в очереди, коснулись сканера и вошли в округлый, ослепительно-белый вестибюль. Улыбающийся товарищ в голубой униформе проводил их к очереди в лифт. Подошел дедушка Ян, радостно ухмыляясь при виде изумленных лиц родных.

— А вы что тут делаете? — спросил отец, когда дедушка целовал маму.

Родители сказали ему, что получили право на поездку, но он ни словом не обмолвился, что тоже ее запрашивал.

Дедушка Ян поцеловал отца.

— Решил вас удивить, только и всего. Хотел рассказать моему другу... — он положил большую руку на плечо Сколу, — про Уни немного больше, чем диктор в наушниках. Привет, Скол.

Дедушка наклонился, чмокнул внука, и тот, дивясь, что стал причиной дедушкина

появления, поцеловал его в ответ.

— Привет, деда.

— Здравствуй, Мира КДЗ7Т 5002, — серьезно произнес дедушка Ян и поцеловал Миру.

Она тоже поцеловала его и поздоровалась.

— Когда вы запросили поездку? — поинтересовался отец.

— Через несколько дней после вас, — ответил дедушка, не снимая руки с плеча Скола.

Вместе с очередью они продвинулись вперед на несколько метров.

— Ты же был здесь всего пять или шесть лет назад, — сказала мама.

— Уни знает, кто его собирал, — улыбнулся дедушка Ян. — Для нас делают исключения.

— Неправда, — возразил отец. — Исключений не бывает.

— Словом, я здесь, — сказал дедушка и ласково посмотрел вниз на Скола. — Верно?

— Верно, — ответил Скол и улыбнулся в ответ.

В молодости дедушка Ян помогал строить Уникомп.

В лифт помещалось около тридцати товарищей, и вместо музыки в нем говорил мужской голос — «Добрый день, братья и сестры! Добро пожаловать в Уникомп!» — мягкий, дружелюбный голос, который Скол знал по телепередачам. «Как видите, мы начали движение. Наша скорость — двадцать два метра в секунду. Спуск на пятикилометровую глубину занимает более трех с половиной минут. Данная шахта...» Голос приводил данные о размере здания Уникомпа и его толщине, рассказывал о том, как он защищен от любых природных и антропогенных катаклизмов. Скол слышал все это раньше, в школе и по телевизору, но теперь, когда он в самом здании, внутри его стен, и вот-вот увидит Уникомп, рассказ звучал по-новому захватывающе. Он внимательно слушал, глядя на динамик над дверью лифта. Дедушка Ян все еще сжимал его плечо, словно удерживая. «Мы снижаем скорость, — объявил голос. — Желаю вам приятной экскурсии». Лифт мягко остановился, и створки двери разошлись в стороны.

Снова вестибюль, меньше, чем на первом этаже, снова улыбающийся товарищ в голубом и очередь, на сей раз парами к двойной двери в слабо освещенный коридор.

— Подождите нас! — крикнул Скол.

— Не обязательно идти всем вместе, — успокоил дедушка.

Они отстали от родителей и Миры. Те вопросительно оглядывались — родители то есть, Миру из-за малого роста не было видно. Товарищ впереди предложил их пропустить, но дедушка Ян отказался.

— Нет-нет, ничего. Спасибо, брат. — Он с улыбкой помахал родителям. Скол последовал его примеру.

Дедушка Ян осмотрелся, сияя глазами навывкате и по-прежнему улыбаясь. Его ноздри раздувались в такт дыханию.

— Итак, ты наконец увидишь Уникомп. Волнуешься?

— Да, очень.

Они прошли вперед вместе с очередью.

— Я тебя не виню. Потрясающе! Когда еще увидишь машину, которая выберет тебе профессию и назначит задания, решит, жить тебе или умереть, женишься ли ты на понравившейся девушке, а если да, то будут ли у вас дети и как их назовут. Как тут не волноваться?

Скол, чувствуя себя неуютно, вскинул глаза.

Дедушка Ян, по-прежнему улыбаясь, похлопал его по спине, и они вошли в коридор.

— Иди! Смотри на экспозиции, на Уни, на остальное! Все здесь специально для тебя.

Смотри!

Скол взял наушник со стойки, как в музее. Странное поведение дедушки его встревожило, и хотелось быть там, впереди, с родителями и Мирой. Дедушка Ян тоже надел наушник.

— Интересно, что новенького мне скажут?! — хмыкнул он себе под нос.

Тревога и неловкость испарились, когда Скол увидел сверкающую стену, по которой носились сотни искрящихся огоньков. Тот же голос, что и в лифте, рассказывал ему в ухо, как Уникомп получает из опоясывающих мир ретрансляционных станций микроволновые импульсы с бесчисленных сканеров, телекомпов и прочего оборудования, как оценивает эти импульсы и посылает ответ на реле и в пункты запроса.

Уни — самый быстрый, самый умный, он везде-везде!

Следующая экспозиция демонстрировала работу блоков памяти; луч света вспыхивал над перекрещенным металлическим квадратом, освещая то одну, то другую его часть. Голос говорил о пучках электронов и сверхпроводниках, заряженных и незаряженных участках, которые становятся положительными и отрицательными битами информации. Когда Уникомпу задают вопрос, пояснил голос, он просматривает соответствующие биты...

Скол не понимал и оттого приходил в еще больший восторг. Уни знает все на свете! Так необъяснимо! Так сказочно!

Далее шла стеклянная перегородка, сквозь которую был виден он — Уникомп: два ряда разноцветных металлических кубов, как процедурные кабинки, только ниже и меньше, розовые, коричневые и оранжевые; между ними, в большом, освещенном розовым светом пространстве ходили десять или двенадцать товарищей в голубых комбинезонах. Они улыбались и считывали показания приборов, занося их на красивые голубые пластмассовые планшеты. На дальней стене красовался крест и серп. Часы показывали 11:08 воскр. 12 апр. 145 э. у. В ухо Сколу просочилась и набрала силу музыка: «Всё дальше, дальше...» — играл огромный оркестр так проникновенно и величаво, что на глаза наворачивались слезы радости и гордости.

Он стоял бы там часами, разглядывая деятельных веселых товарищей, мерцающие блоки памяти и слушая «Всё дальше, дальше...», а потом «Раса могучих», но музыка понемногу стихла (когда 11:10 превратилось в 11:11), и голос мягко, щадя его чувства, напомнил о ждущих в очереди и попросил перейти к следующей экспозиции. Скол неохотно оторвался от стеклянной стены. Вокруг него тоже вытирали глаза и кивали. Он улыбался, и ему улыбались.

Дедушка Ян схватил мальчика за руку и потащил к двери, рядом с которой висел сканер.

— Как тебе, понравилось?

Он кивнул.

— Это не Уни.

Скол широко раскрыл глаза.

Дедушка выдернул у него наушник.

— Не Уникомп, — продолжил он быстрым шепотом. — Коробки эти, розовые и оранжевые, — не настоящие! Просто милые игрушки на радость Семье! — Его выпуклые глаза были совсем рядом, капельки слюны брызгали Сколу на нос и щеки. — Он там, внизу! Под нами еще три этажа! Хочешь посмотреть? Хочешь увидеть настоящий Уникомп?

Скол только беспомощно таращился на деда.

— Хочешь? Посмотреть хочешь? Я могу показать!

Скол кивнул.

Дедушка Ян отпустил его руку и выпрямился.

— Хорошо, пойдём. — Взяв Скола за плечо, он повел его обратно мимо стеклянной перегородки, у которой толпились товарищи, мимо схемы блоков памяти с бегающим лучом, мимо экспозиции с сотнями огоньков, сквозь очередь — прошу прощения! — и по коридору в другую сторону, где было пусто и сумрачно, со стены свисал огромный неисправный телекомп, а рядом стояли носилки с подушками и сложенными одеялами.

В углу находилась дверь со сканером. Дедушка удержал его руку.

— Сканер, — произнес Скол.

— Не нужно.

— Разве мы не туда идём...

Не обращая внимание на сканер, дедушка Ян подтолкнул Скола вперед, вошел следом и с силой потянул на себя шипящую медленно закрывающуюся дверь.

Скол уставился на него, весь дрожа.

— Ничего страшного, — резко сказал дедушка, а потом, уже не резко, а ласково взял его голову обеими руками. — Ничего страшного. Все будет в порядке. Я делал так тысячу раз.

— Мы не спросили разрешения. — Скол все еще трясся.

— Ничего страшного. Смотри: кому принадлежит Уникомп?

— Как принадлежит?

— Ну чей он? Чей это компьютер?

— Он... всей Семьи.

— А ты член Семьи, так ведь?

— Да...

— Значит, это и твой компьютер! Он принадлежит тебе, а не наоборот — не ты ему, а он тебе.

— Нет, мы должны спрашивать разрешения!

— Скол, пожалуйста, верь мне. Мы ничего не возьмем и даже не будем трогать. Только посмотрим. Я для этого сегодня и приехал — показать тебе настоящий Уникомп. Ты же хочешь его увидеть?

Скол секунду поколебался.

— Да.

— Вот и не волнуйся, все в порядке. — Дедушка ободряюще посмотрел ему в глаза, а затем отпустил его голову и взял за руку.

С площадки, на которой они стояли, вела вниз лестница. Они спустились на четыре или пять ступенек — стало прохладно, — и дедушка остановился, придерживая Скола.

— Жди здесь. Я на секунду. Никуда не уходи.

Скол испуганно смотрел, как дедушка поднялся обратно на площадку, осторожно выглянул и нырнул в дверь. Она медленно закрылась.

Скол снова затрясся. Сначала он не коснулся сканера, а теперь стоит в одиночестве на холодной пустынной лестнице — и Уни не знает, где он!

Дверь снова отворилась; показался дедушка с перекинутыми через руку синими одеялами.

— А то околеет, — пояснил он.

Завернувшись в одеяла, они вместе шли по тесному проходу между стальными стенами, которые соединялись в одну точку где-то далеко впереди, а вверх тянулись почти до светящегося белого потолка. На самом деле не стены, а параллельные, разделенные узкими зазорами ряды сдвинутых вплотную и запотевших от холода гигантских стальных блоков, аккуратно помеченных спереди на уровне глаз черной краской: *Д46, Д48* — по одну руку, *Д49, Д51* — по другую. Не меньше двадцати в ряду. Перпендикулярно, через равные расстояния, шли четыре прохода пошире.

Дыхание превращалось в пар, под ногами расплывались нечеткие тени. Тишину нарушал только шелест паплоновых комбинезонов да отдающееся эхом шлепанье сандалий.

— Ну? — поглядел на Скола дедушка Ян.

Тот плотнее закутался в одеяло.

— Наверху лучше.

— Да уж. Тут никаких тебе симпатичных молодых товарищей с ручками и планшетами. Никакого теплого освещения и уютных розовых приборов. Из года в год — никого. Безжизненно, пусто и холодно. Отвратительно.

Они стояли на перекрестке. Стальные ряды протянулись в одну сторону, другую, третью, четвертую... Дедушка покачал головой и нахмурился.

— Это неправильно. Не знаю, что именно, но неправильно. Мертвые планы мертвых товарищей. Мертвые идеи, мертвые решения.

— Почему так холодно? — спросил Скол, глядя на облачко пара, в которое превратилось его дыхание.

— Потому что мертво, — ответил дедушка, а потом покачал головой. — Блоки работают только при очень низкой температуре. Не знаю — моей задачей было доставить их на место и не разбить.

Они шли бок о бок вдоль следующего ряда: *P20, P22, P24*.

— Сколько их всего?

— Тысяча двести сорок здесь и еще столько под нами. И это не предел; за восточной стеной уже вырезано вдвое больше места в расчете на то, что Семья вырастет. Шахты, система вентиляции...

Спустились дальше: все то же, что и этажом выше, только на двух пересечениях рядов — стальные колонны, а блоки памяти пронумерованы не черным, а красным. *K65, K63, K61*.

— Самый глубокий в мире котлован. Самое грандиозное задание — построить один компьютер, который заменит пять. Я был сопляком вроде тебя, и об этом каждый вечер говорили в новостях. Сообразил, что, когда мне исполнится двадцать, еще успею поучаствовать, если получу нужную специальность. И я попросил.

— Попросил?

— Именно. — Дедушка кивнул и улыбнулся. — В мое время такое бывало. Я попросил наставницу узнать у Уни... нет, не у Уни, тогда еще был Еврокомп, — короче, я попросил, она сделала, и — Вуд, Уэй, Иисус и Маркс! — я получил категорию 042С, строитель третьего разряда. И первое же мое задание — здесь. — Он оглянулся, все еще улыбаясь и поблескивая глазами. — Они собирались опускать эти громадины в шахту по одной. Я просидел без сна всю ночь и рассчитал, что закончить можно на восемь месяцев раньше, если прорезать туннель в Пике Любви... — показал большим пальцем через плечо, — и закатить их сюда на колесах. Еврокомп до такого простого решения не додумался. А может, просто не спешил расставаться с мозгами! — Он расхохотался.

Наконец дедушка смолк, и Скол впервые заметил, что голова у него совсем седая. Рыжеватые пряди бесследно исчезли.

— И вот они здесь, все на своих местах, доставлены по моему туннелю и работают на восемь месяцев дольше, чем было бы по изначальному плану. — Он посмотрел на блоки почти неприязненно.

— Ты разве не любишь Уникомп?

Дедушка Ян секунду помолчал.

— Нет. — Он кашлянул. — С ним нельзя поспорить, объяснить...

— Он все знает. Зачем объяснять и спорить?

Они разделились, огибая квадратную стальную опору, и снова сошлись.

— Не знаю... Не знаю... — Дедушка шагал в одеяле, не поднимая головы и насупившись. — Слушай, ты кем хочешь стать, когда вырастешь? Мечтаешь о каком-то особом задании?

Скол неуверенно поглядел на деда и пожал плечами.

— Нет. Назначат то, что мне подходит. Задания, которые полезны Семье. Все равно задание только одно — ширить...

— ...Семью по всей вселенной. Конечно. По всей объединенной уникомповской вселенной. Пошли обратно. Мочи нет терпеть эту стужу, драка ее возьми.

Скол смущенно спросил:

— А еще этаж? Ты сказал...

— Туда нельзя. Там сканеры и товарищи, которые увидят нас и бросятся «на помощь». Да и смотреть там не на что — приемо-передающая аппаратура и холодильные установки.

Они направились к лестнице. Скол был разочарован. Дедушка почему-то им недоволен и, главное, нездоров: он хочет спорить с Уни, не касается сканеров и использует плохие слова.

— Тебе нужно сказать наставнику, что ты хочешь спорить с Уни, — произнес Скол, поднимаясь по ступеням.

— Я не хочу спорить. Просто хочу иметь такую возможность, если придет охота.

Скол совсем запутался.

— Все равно надо рассказать. Может, тебе назначат дополнительную терапию.

— Не сомневаюсь, — ответил дедушка Ян и мгновение спустя прибавил: — Хорошо, так и сделаю.

— Уни знает все про все.

Они поднялись еще на этаж и теперь стояли на площадке перед экскурсионным залом и складывали одеяла. Дедушка Ян закончил первым и ждал Скола.

— Готово, — сказал тот, прижимая одеяло к груди и разглаживая синие складки.

— Знаешь, почему я назвал тебя Сколом?

— Нет.

— От слова «осколок». Кусочек. Осколок своих предков.

— А-а.

— Я не имел в виду твоего отца или даже себя. Ты похож на моего дедушку. Из-за глаза. У него тоже был зеленый глаз.

Скол пошевелился, мечтая, чтобы дедушка скорее закончил разговоры и они бы вернулись куда положено.

— Знаю, ты не любишь о нем говорить, хотя стыдиться тут нечего. Немножко отличаться

от других совсем не зазорно. Ты даже не представляешь, какие раньше все были разные. Твоего прапрадеда, очень отважного и одаренного товарища, звали Ганнон Райбек, — цифры к именам тогда не прибавляли. Он строил первую марсианскую колонию. Гордись, что у тебя его глаз. В наши дни ученые ковыряются в генах, драка их побери, — извини, пожалуйста, — но, может статься, с твоими вышла промашка и у тебя не только зеленый глаз, а и немного дедова таланта и смелости. — Он уже начал открывать дверь и тут снова повернулся к Сколу. — Попробуй хотеть чего-нибудь. За день-два до следующей терапии. В это время легче всего желать, беспокоиться...

Когда они вышли из лифта в вестибюль первого этажа, их уже ждали родители и Мира.

— Где вы ходите? — спросил отец, а Мира, держа в руке миниатюрный оранжевый блок памяти (невсамделишный), добавила:

— Мы заждались!

— Смотрели на Уни, — ответил дедушка.

— Так долго? — удивился отец.

— Да.

— Вы должны были уступить место другим товарищам.

— Это ты должен, Майк, — улыбнулся дедушка. — А мой наушник сказал: «Ян, дружище, сколько лет, сколько зим! Можете с внуком стоять и смотреть в свое удовольствие!»

Отец недовольно отвернулся.

Они отправились в столовую, запросили кейки и колу — кроме дедушки, который не хотел есть, — и пошли за купол на лужайку для пикника. Дедушка показал Сколу Пик Любви и подробнее объяснил, как бурили туннель, что очень удивило отца — туннель для тридцати шести не таких уж больших блоков. Дедушка сказал, что этажом ниже есть еще блоки, но не уточнил, сколько, какие они огромные и как там холодно и безжизненно. Скол тоже промолчал. Странное ощущение — знать, что они с дедом что-то скрывают; это выделяло их и в то же время роднило между собой.

Пообедав, они направились в автопорт и встали в очередь. Дедушка Ян проводил родных до сканеров и попрощался, объяснив, что вернется домой с двумя приятелями из Ривербенда, которые в тот день тоже должны были приехать на экскурсию. Он называл Ривербендом место, где жил, — 55131.

Когда Скол в следующий раз увидел Боба НЕ, наставника, он рассказал про дедушку Яна: что он не любит Уни и хочет спорить с ним и что-то ему объяснять.

Боб улыбнулся.

— Такое иногда приключается с ровесниками твоего деда. Не волнуйся.

— Надо сказать Уни. Пусть ему назначат дополнительную терапию или более сильные лекарства.

— Ли! — Боб наклонился через стол. — Производство препаратов для терапии — дело дорогостоящее и трудоемкое. Если пожилым товарищам давать их, сколько требуется, то может не хватить молодым, а они Семье все-таки важнее. Чтобы синтезировать для всех достаточно лекарств, пришлось бы забросить более важные задания. Уни знает, что делать, сколько чего есть в наличии и кому что нужно. Это только кажется, что твой дедушка недоволен, поверь мне. Он просто любит поворчать. Когда нам перевалит за пятьдесят, мы будем такими же.

— Он говорил плохое слово, на «д».

— Типично для пожилых. Они ничего такого не имеют в виду. Пойми, слова сами по себе не «грязные» — оскорбительны стоящие за ними действия. Товарищи вроде твоего дедушки говорят, но не делают. Это не очень хорошо, однако само по себе не болезнь. А как дела у тебя? Какое-нибудь напряжение? Давай предоставим дедушку его собственному наставнику.

— Нет, — ответил Скол, вспоминая, как не коснулся сканера и без разрешения Уни ходил на нижние этажи. Почему-то вдруг не захотелось рассказывать об этом Бобу. — Никакого напряжения. Все супер.

— О'кей. Когда мы с тобой снова увидимся? В пятницу?

Приблизительно через неделю дедушку Яна перевели в США60607. Скол с родителями и Мирой поехал в аэропорт EWR55130 его провожать.

В зале ожидания, пока остальные наблюдали сквозь стекло за идущими на посадку, дедушка отвел мальчика в сторону и ласково улыбнулся.

— Скол Зеленый Глаз.

Скол насупился, но тут же постарался себя перебороть.

— Просил для меня дополнительную терапию? — продолжал дед.

— Да. А ты откуда знаешь?

— Догадался. Береги себя, Скол. Помни, чей ты осколок и что я тебе говорил: попробуй хотеть чего-нибудь.

— Хорошо.

— Посадка заканчивается, — сказал отец.

Дедушка Ян поцеловал их всех на прощание и присоединился к выходящим пассажирам. Скол смотрел через стекло, как он, выделяясь ростом, шагает в сгущающихся сумерках к самолету, а в нескладной длинной руке болтается дорожная сумка. У трапа повернулся, помахал — Скол замахал в ответ, надеясь, что его видно, — и приложил запястье к сканеру. Темноту и пространство прорезал зеленый огонек. Дедушка ступил на трап и медленно поехал вверх.

Обратную дорогу в машине Скол молча думал, что ему будет не хватать воскресений и праздников с дедушкой Яном. Только с чего бы? Он такой старый, странный и необычный... Вдруг Скол понял, что в том-то и причина — он странный, необычный и никто его не заменит.

— Что случилось? — спросила мама.

— Я буду скучать по дедушке.

— И я. Но можно иногда видеться по телефону.

— Хорошо, что он уезжает, — сказал отец.

— А я не хочу. Я хочу, чтобы его перевели обратно.

— Вряд ли. Да оно и к лучшему. Он плохо на тебя влиял.

— Майк! — произнесла мама.

— Не начинай эту ткань. Меня зовут Иисус. А его — Ли.

— А меня Мира, — вставила сестра.

Скол ничего не забыл и часто думал о желаниях и мечтах, как дедушка в десять лет — о строительстве Уникомпа. Раз в несколько дней он размышлял перед сном о всевозможных заданиях и вспоминал известные ему профессии: прораб на стройке, как дедушка; техник-лаборант, как отец; специалист по физике плазмы, как мама; фотограф, как папа приятеля; врач; наставник; стоматолог; космонавт; актер; музыкант. Все они казались более или менее одинаковыми, и, чтобы по-настоящему захотеть, надо было сначала выбрать. Странная мысль — выбирать, решать. Сам себе кажешься маленьким. И в то же время — большим.

Однажды Скол вспомнил, как давным-давно строил домики из конструктора (моргающий красный запрет Уни), и подумал, что интересно проектировать дома. Это было накануне терапии, — подходящее, по словам дедушки, время, чтобы тренироваться в хотении. На следующий день мысли о больших зданиях уже не радовали. Собственно говоря, сама идея предпочитать определенную профессию казалась глупой и до-У, и он сразу же заснул.

Накануне следующей терапии он вновь придумывал дома — разные, а не только трех стандартных форм — и размышлял, почему интерес к этой идее месяц назад ни с того ни с сего пропал. Терапия предупреждает болезни, снимает напряжение, женщины не рожают слишком много детей, а у мужчин не растут волосы на лице. Почему же от нее интересная идея вдруг становится неинтересной? Факт оставался фактом: так было и в этом месяце, и в следующем, и потом.

Скол подозревал, что подобные мысли — своего рода эгоизм. Если и так, прегрешение невелико — часок-другой перед сном, ни разу во время учебы или просмотра телепередач, — и он не считал нужным говорить Бобу НЕ, как не сказал бы о минутном волнении или случайном сне. Каждую неделю на вопрос о самочувствии он отвечал «просто супер». Старался не заниматься хотением слишком часто или долго и всегда высыпаться, а по утрам, умываясь, разглядывал себя в зеркале, все ли в порядке. В порядке. За исключением глаза, конечно.

В 146-м семью Скола и почти всех ее соседей перевели в АФР71680. В их новом, только что построенном доме лежали зеленые, а не серые дорожки в коридорах, экраны телевизоров были шире, а мебель — мягкой, но не регулируемой.

Пришлось ко многому привыкать: жаркому климату, тонким и светлым комбинезонам, старому, медленному, вечно ломающемуся монорельсу, солоноватым и каким-то невкусным макси-кейкам в зеленоватой фольге.

Новой наставницей Скола и его семьи стала Мэри С314Л 8584. Она была на год старше матери, хотя выглядела моложе.

Приноровившись к жизни в 71680 — школа, по крайней мере, ничуть не отличалась, — Скол возобновил развлечение хотением. Теперь он понимал, что профессии сильно разнятся, и гадал, что же выберет для него Уни, когда придет время. Уни, с его двумя этажами холодных стальных блоков и пустыми отдающими эхом коридорами... Жаль, что дедушка Ян не сводил его ниже, к людям. Было бы спокойнее думать, что профессию тебе выбирает не только компьютер, а и несколько товарищей; если что-то не нравится, можно попробовать объяснить...

Дедушка звонил дважды в год — запрашивал чаще, но не получал разрешения. Он

постарел, в улыбке пряталась усталость. Часть США60607 перестраивали, и он руководил проектом. Скол с радостью сказал бы ему, что тренируется хотеть, однако рядом перед экраном стояли родители с Мирой. Однажды, в самом конце, он произнес: «Я стараюсь», — и дедушка Ян улыбнулся, совсем как раньше, и ответил: «Молодчина!»

После звонка отец спросил:

— Стараешься что?

— Ничего.

— Нет, ты на что-то намекал.

Скол передернул плечами.

Мэри СЗ во время следующей встречи тоже завела разговор.

— Что ты имел в виду, когда сказал дедушке, что стараешься?

— Ничего.

— Ли, — укоризненно поглядела Мэри, — стараешься что?

— Не скучать по нему. Когда его перевели в США, он просил меня не скучать, потому что все товарищи одинаковые и он в любом случае будет звонить при первой возможности.

— Ясно. — Она продолжала с сомнением смотреть на Скола. — Почему же ты сразу не объяснил?

Он пожал плечами.

— Ты по нему скучаешь?

— Немного. Стараюсь не скучать.

Начался секс, и думать о нем было еще круче, чем упражняться в хотении. Скол и раньше слышал, что оргазм — штука крайне приятная, но не ожидал такой почти невыносимой сладости собирания всех чувств в одно, восторга кульминации и следующей за ним блаженной бессильной истомы. И не он один — всему классу это было в новинку. Они ни о чем другом не говорили и с удовольствием посвятили бы сексу все свое время. Скол с трудом сосредоточивался на электронике и астрономии, не говоря уже о различиях между профессиями.

Несколько месяцев спустя, однако, они успокоились, привыкли и отвели новому наслаждению в недельной рутине его законный субботний вечер.

В одну из таких суббот, когда Сколу исполнилось четырнадцать, он с друзьями поехал на великах на красивый белый пляж в нескольких километрах к северу от АФР71680. Солнце тонуло в океане. Они прыгали, толкали друг друга и брызгались в розоватых пенных волнах, а потом сидели вокруг костра на песке и угощались кейками, колой и ломкими сладкими кусочками разбитого тут же кокоса. Слушали блокфлейту, на которой пытался играть один из ребят. А когда пламя распалось на угли, разошлись по парам, каждая на свое одеяло.

Девушку Скола звали Анна ВФ, и после оргазма — как показалось, самого лучшего в жизни — накатила нежность и захотелось ей за это наслаждение что-то дать. Карл ГГ подарил Йин АП красивую ракушку, Ли ОС своей спутнице — музыку, тихо наигрывая сейчас на флейте. У Скола для Анны не было ни ракушки, ни песни — совсем ничего, кроме разве что мыслей.

— Давай думать о чем-нибудь интересном, — предложил он, лежа навзничь и обнимая ее одной рукой.

— Ага. — Она прижалась теснее, положила голову ему на плечо, а руку — на грудь.

Он чмокнул ее в лоб.

— Например, о разных профессиях...

— М-м?

— Какую бы ты выбрала, если бы пришлось выбирать?

— Выбирать?

— Да.

— Как это?

— Выбирать. Иметь. Заниматься. Что тебе больше нравится? Врач, инженер, наставник...

Она подперла голову рукой и прищурилась.

— То есть?

Он вздохнул.

— Нам назначат профессию, так?

— Так.

— А если бы нет? Если бы пришлось выбирать самим?

— Дребедень какая-то, — отозвалась она, рисуя пальцем у него на груди.

— Интересно же.

— Давай опять трахаться.

— погоди. Представляешь, всякие профессии. И нам решать...

— Не хочу. — Она перестала водить пальцем. — Это бред. А ты чокнулся. За нас выбирают, и думать тут не о чем. Уни знает, какие у нас...

— Да пошел он в драку! Притворись на минуту, что мы живем в...

Анна перевернулась на живот, затылком к нему, и напряженно застыла.

— Извини, — сказал он.

— Мне тебя жалко. Ты болен.

— Нет.

Она молчала.

Скол сел и в отчаянии поглядел на ее непреклонную спину.

— Нечаянно вырвалось. Прости.

Тишина.

— Это же всего-навсего слово, Анна.

— Ты болен.

— О, злость возьми!

— Вот видишь!

— Слушай. Забудь. Забудь все, а? Просто забудь. — Он погладил ее между бедрами, но она сомкнула их, не пуская его руку.

— Ладно тебе! Что ты дуешься! Я же извинился. Давай трахаться. Хочешь, полижу?

Через некоторое время она расслабила ноги и позволила себя пощекотать.

Потом села.

— Ли, ты больной?

— Нет. — Он выдавил смешок. — Вовсе нет.

— Выбирать профессию!.. Сказанул! Да каким образом? Мы не можем все учесть!

— Просто думаю об этом. Нечасто. Почти никогда.

— Чудные у тебя мысли. Звучит... прямо до-У.

— Больше не буду, обещаю. — Он поднял правую руку, и браслет съехал. — Клянусь любовью к Семье! Иди сюда, я тебя полижу.

Она с озабоченным видом опустила на одеяло.

На следующее утро без пяти десять позвонила Мэри СЗ. Попросила зайти.

— Когда?

— Прямо сейчас.

— Хорошо. Иду.

— Зачем ты понадобился ей в воскресенье? — удивилась мать.

— Не знаю.

Скол знал. Анна ВФ позвонила наставнику.

Он ехал на эскалаторе, все вниз и вниз, гадая, много ли рассказала Анна и как ему теперь выкручиваться; неожиданно к горлу подступили слезы и захотелось признаться Мэри, что он больной и эгоистичный лгун. На соседних эскалаторах товарищи безмятежно улыбались и с удовольствием слушали бодрую музыку из динамиков; один он чувствовал себя виноватым и несчастным.

В отделении наставников было непривычно тихо. Кое-где переговаривались, однако большинство кабинок пустовало, на столах царил порядок, кресла ждали хозяев. В одной из кабинок товарищ в зеленом комбинезоне ковырял отверткой телефон.

Встав на кресло, Мэри украшала рождественскими флажками картину «Уэй обращается к химиотерапевтам». На столе лежали мотки красных и зеленых флажков, стоял открытый телекомп и контейнер чая.

— Это ты, Ли? — спросила она, не оборачиваясь. — Быстро!.. Садись.

Скол сел. На экране телекомпа горели зеленые символы. Кнопка «ввод» удерживалась в нажатом состоянии с помощью сувенирного пресс-папье из РОС81655.

— Не падай, — приказала Мэри гирлянде и, не отрывая от нее глаз, слезла. Флажки не шелохнулись.

Она придвинула кресло, улыбнулась и села; взглянула на экран, отхлебнула чая и снова улыбнулась.

— Товарищ говорит, что тебе нужна помощь. Девушка, которую ты вчера трахал, Анна... — Мэри бросила взгляд на экран. — ВФ35Х6143.

Скол кивнул.

— Я сказал неприличное слово.

— Два, но это не важно. По крайней мере, по сравнению с остальным. Ты предлагал представить, что нет Уникомпа, и выбрать себе профессию.

Скол принялся рассматривать красно-зеленые мотки флажков.

— И часто ты об этом думаешь, Ли?

— Только изредка. В свободный час или ночью; в школе и во время телепередач — ни разу.

— Ночь тоже считается. Ночью надо спать.

Скол молчал.

— Когда это началось?

— Не знаю, несколько лет назад. В Евр.

— Дедушка научил?

Он кивнул.

Мэри бросила взгляд на экран и снова посмотрела на Скола — с сочувствием.

— Тебе не приходило в голову, что «решать» и «выбирать» — эгоистично?

— Да, может быть. — Скол водил пальцем по краю стола.

— А я здесь на что, Ли? Зачем нужны наставники? Помогать, так ведь?

Он кивнул.

— Почему ты не сказал мне? Или наставнику в Евр? Зачем ждал, не спал ночами и тревожил эту девушку?

Скол пожал плечами, глядя на потемневший от нажима ноготь.

— Вроде как... интересно.

— Вроде как интересно... Было бы интересно вроде как поразмыслить, что за доунификационный хаос начался бы, выбирай мы сами себе профессию. Ты об этом думал?

— Нет.

— Так подумай. Представь, что сто миллионов товарищей решат стать актерами на телевидении и ни один не захочет работать в крематории.

Скол поднял на нее глаза.

— Я очень болен?

— Нет, хотя к тому шло, если бы не Анна. — Она сняла с телекомпа пресс-папье, и зеленые символы на экране исчезли. — Коснись.

Скол приложил браслет к считывающей панели, и Мэри застучала по клавиатуре.

— За время учебы в школе ты написал сотни тестов, и в Уникомпе хранятся результаты. — Ее пальцы летали над десятком черных клавиш. — У тебя были сотни встреч с наставниками, и Уникомпу тоже о них известно. Он знает, какие специалисты нужны и кто есть в наличии. Он знает все. А теперь скажи: кто сделает более правильный, обоснованный выбор: ты или Уникомп?

— Уникомп, Мэри. Я понимаю. Я не хотел сам это делать, просто думал, а как было бы, если бы... И все.

Мэри закончила печатать и нажала «ввод». На экране загорелись зеленые строчки.

— Ступай в процедурную.

Скол вскочил.

— Спасибо.

— Спасибо Уни. — Она выключила телекомп и щелкнула зажимами.

Скол медлил.

— Со мной все будет хорошо?

— Просто отлично. — Мэри ободряюще улыбнулась.

— Простите, что заставил вас прийти в воскресенье.

— Не извиняйся. В кои-то веки заранее развешу украшения.

Скол направился в отделение терапии. Работала только одна кабинка, но в очереди было всего трое. Когда настал его черед, он как можно глубже засунул руку в резиновое отверстие и с благодарностью ощутил сканер и теплое прикосновение инфузионного диска. Хотелось, чтобы щекотание, жужжание и укол длились подольше и окончательно и бесповоротно его вылечили. Все кончилось даже быстрее обычного, и он забеспокоился, что между Уни и кабинкой произошел сбой связи или в аппарате недостаточно лекарств. Вдруг в тихое воскресное утро кто-то недоглядел?

Однако тревога ушла, и, поднимаясь на эскалаторе, Скол смотрел на себя, Уни, Семью, мир и вселенную гораздо оптимистичнее.

Дома он первым долгом позвонил Анне ВФ и поблагодарил за помощь.

Когда ему исполнилось пятнадцать, его классифицировали как 663Д, генетика-

систематика четвертой категории, и перевели в РОС41500, в Академию генетических наук. Он изучал основы генетики, лабораторные методы, модуляцию генов и их пересадку; катался на коньках, играл в футбол, ходил в Музей доунификационной истории и Музей достижений Семьи, МДС; у него была подружка Анна из Яп, а потом еще одна — Мира из Авст. В вудверг 18 октября 151-го он вместе со всей академией до четырех утра смотрел запуск «Альтаира», а потом отсыпался и бездельничал — полдня были объявлены выходными.

Как-то вечером неожиданно позвонили родители.

— У нас плохие новости, — сказала мать. — Утром умер дедушка Ян.

У Скола защемило сердце, и, наверно, он изменился в лице.

— Ему было шестьдесят два, сынок.

— Никто не вечен, — добавил отец.

— Да. Я и забыл, сколько ему. А как вы? Мире уже назначили профессию?

После звонка Скол пошел прогуляться, хотя часы показывали почти десять и по расписанию вот-вот должен был начаться дождь. Ему навстречу из парка выходили последние посетители.

— Шесть минут, — улыбнулся какой-то товарищ.

Плевать. Хотелось попасть под дождь и промокнуть до нитки. Почему, Скол и сам не знал.

В парке было пусто, все разошлись. Скол сидел на скамейке и ждал. Вспоминал дедушку Яна: как он говорил одно, а имел в виду другое, и как тогда в Уни, завернувшись в синее одеяло, сказал то, что на самом деле думал.

На спинке скамейки напротив кто-то нацарапал красным «ДОЛОЙ УНИ». А другой — или, быть может, тот же самый больной товарищ, устыдившись, — замазал надпись белым. Начался дождь; белый и красный мел, смешиваясь, потек розовой жижей.

Скол поднял лицо к небу навстречу струям и попытался представить, что плачет от горя.

В начале последнего, третьего, года в академии Скол принял участие в сложной рокировке спальными кабинками, предпринятой с целью разместить ближе партнеров по сексу. На новом месте он находился в двух кабинках от Йин ДУ и напротив товарища ненормально маленького роста по имени Карл УЛ, который таскал с собой зеленый альбом для рисования и, с готовностью поддерживая разговор, сам почти никогда его не заводил.

Этот Карл УЛ отличался на редкость сосредоточенным взглядом, словно вот-вот найдет ответ на непростые вопросы. Однажды Скол заметил, как он улизнул из зала для просмотра телепередач в начале первого часа и вернулся в конце второго. А в другой раз в общежитии, когда потушили лампы, из-под его одеяла пробивался слабый свет.

Как-то в субботу вечером — вернее, рано утром в воскресенье — Скол тихо возвращался от Йин ДУ. В кабинке напротив Карл сидел в пижаме на постели, наклонив альбом к фонарику на краю стола, и рисовал что-то быстрыми отрывистыми движениями. Линза фонаря была задрапирована, пропуская лишь небольшой луч.

Скол подошел ближе.

— Обошелся на этой неделе без девушки?

Карл вздрогнул и прикрыл блокнот. В руке у него была палочка угля.

— Извини, что испугал.

В темноте Скол различал только легкие блики на его подбородке и скулах.

— Ничего, — отозвался Карл. — Я быстро закруглился. Мира КГ. А ты почему не остался на ночь с Йин?

— Она храпит.

Карл весело хмыкнул.

— Ну, я на боковую.

— Что ты такое рисуешь?

— Диаграммы генов. — Карл отвернул обложку и показал первую страницу. Скол наклонился, разглядывая поперечное сечение генов в локусе ВЗ, аккуратно нарисованное и заштрихованное ручкой. — Пробовал работать углем, — пояснил Карл, — ничего не вышло. — Он захлопнул альбом, отложил уголь и выключил фонарик. — Спокойной ночи.

— Спасибо. И тебе.

Скол нащупал кровать в своей кабинке, размышляя, правда ли Карл рисует диаграммы — уголь для них совершенно не подходит, младенцу ясно. Пожалуй, надо сообщить о его скрытности и нетоварищеском поведении наставнику, Ли ЮБ, только сначала лучше убедиться, что помощь на самом деле нужна. Нет никакого смысла зря отвлекать Ли ЮБ и тратить время, свое и Карла.

Спустя несколько недель праздновали День рождения Уэя, и во второй половине дня, после парада, Скол с десятком студентов поехал на электричке в парк аттракционов. Они катались на лодках и бродили по зоопарку. Остановившись с другими у фонтана, Скол заметил Карла УЛ. Тот сидел на ограждении загона с лошадьми и рисовал в альбоме на коленях. Скол извинился перед приятелями и подошел.

Завидев его, Карл с улыбкой закрыл блокнот.

— Парад что надо, — сказал он.

— Да, супер. Рисуешь лошадей?

— Вроде того.

— Можно посмотреть?

Карл секунду глядел ему в глаза.

— Само собой.

Он перевернул страницы и показал жеребца, вздыбившегося почти во весь лист. Под блестящей шерстью вздувались мышцы, глаз дико вращался, передние копыта перебирали в воздухе. Рисунок был выполнен энергичными угольными штрихами и поражал жизненной силой и мощью. Скол никогда ничего подобного не видел. Он даже слов не мог подобрать.

— Карл, это... потрясающе! Супер!

— Не похоже.

— Похоже!

— Нет. Иначе я был бы в Академии художеств.

Скол поглядел на живых лошадей в загоне, на рисунок и снова на лошадей. Ноги у них были толще, а грудь не такая широкая.

— Правда, — сказал он, рассматривая рисунок. — Не похоже. Но как-то даже лучше, чем на самом деле.

— Спасибо. Этого я и хочу. Тут еще надо подправить.

Глядя на него, Скол спросил:

— Других рисовал?

Карл открыл предыдущую страницу и показал сидящего льва, гордого и настороженного. В нижнем правом углу стояла обведенная кружком буква «А».

— Обалдеть!

Карл листал дальше: два оленя, обезьяна, парящий орел, обнюхивающие друг друга собаки и припавший к земле леопард.

Скол рассмеялся.

— Драка! У тебя тут целый зоопарк!

— Да нет.

На всех рисунках в углу стояла «А» в кружочке.

— Что за штука?

— Раньше художники подписывали картины. Чтобы показать, чья работа.

— Знаю, но почему не «К»?

— А-а... — Карл листал альбом обратно. — Первая буква от «Аши». Так меня сестра называет. — Он дошел до жеребца, добавил несколько штрихов на животе и устремил взгляд на лошадей в загоне — взгляд, сосредоточенность которого теперь была объяснима.

— У меня тоже есть другое имя — Скол. Меня так дедушка прозвал.

— Скол?

— От «осколок», кусочек. Говорят, я похож на прапрадедушку. — Он еще посмотрел, как Карл оттачивает линию задних ног, и отошел. — Пора к своим. Рисунки — супер. Жаль, что тебя не сделали художником.

Карл поднял глаза.

— Не сделали. Так что я рисую только по воскресеньям, праздникам и в свободный час. Никогда не отрываю время от работы и других обязанностей.

— Правильно. Ну, бывай.

В тот вечер, после телепередач, Скол обнаружил у себя на столе рисунок с лошастью. Из

кабинки напротив раздался голос Карла:

— Хочешь?

— Да. Спасибо. Потрясающе!

Изображение стало еще более живым и мощным. В углу красовалась обведенная кружком «А».

Скол пришил рисунок к доске для объявлений над столом, и тут вошла Йин ДУ с позаимствованным у него экземпляром «Вселенной».

— Где ты это взял?

— Карл УЛ подарил.

— Очень красиво. Карл, ты хорошо рисуешь.

— Спасибо. Приятно слышать, — отозвался тот, натягивая пижаму.

Йин шепнула на ухо:

— Страшно непропорционально. Но ты не снимай, а то он обидится.

В свободный час Скол и Карл изредка ходили в Музей до-У. Карл рисовал мастодонта, бизона, дикарей в звериных шкурах и бесчисленных солдат и моряков в разнообразных мундирах. Скол бродил среди первых автомобилей, диктопечатов^[1], сейфов, наручников и «телевизионных аппаратов»; рассматривал макеты и изображения старых зданий: церквей со шпилями и контрфорсами, замков с башнями, больших и маленьких домов с окнами и засовами на дверях. В окнах, думал он, есть свой резон. Приятно было бы глядеть на мир из дома или с рабочего места, ты чувствовал бы себя не таким маленьким; а ночью ряды светящихся огней, наверно, смотрелись симпатично, даже красиво.

Как-то днем Карл зашел к нему и остановился у стола, уперев кулаки в бока. Скол подумал, что у него температура или что-нибудь посерьезнее: багровое лицо, неподвижный взгляд прищуренных глаз. Но нет, это был гнев — гнев, какого Скол отродясь не видел, настолько сильный, что Карл едва совладал с трясущимися губами.

— Что случилось?

— Ли, слушай, поможешь мне?

— Конечно! Не вопрос!

Карл наклонился и зашептал:

— Запроси для меня альбом. Мне только что отказали. Драка! Их там пятьсот штук, вот такущая стопка, и пришлось положить обратно!

Скол смотрел на него во все глаза.

— Запроси, ладно? Любой человек может в свободное время немножко порисовать, так ведь? Сходишь вниз, о'кей?

— Карл... — смущенно пробормотал Скол.

Карл выпрямился, остывая.

— Нет, — сказал он. — Нет, я просто... сорвался. Извини. Прости, брат. Забудь. — Он хлопнул Скола по плечу. — Я в порядке. Запрошу опять на следующей неделе. Наверное, и так слишком много рисую. Уни виднее. — Он направился по коридору к ванной.

Скол сел за стол и трясущимися руками обхватил голову.

Была среда. Встречи с наставником — по вудвергам, в 10:40. На этот раз он расскажет Ли ЮБ о нездоровье Карла. Теперь уже никто не упрекнет его в паникерстве. Скорее, в медлительности и пренебрежении долгом. Нужно было действовать при первом же четком

признаке, когда Карл сбегал с просмотра телепередач (рисовать, вне всяких сомнений), или даже когда Скол впервые заметил его необычный взгляд. Злость побори! Чего ради он тянул? В ушах явственно слышался мягкий, укоризненный голос Ли ЮБ: «Ты не очень-то заботишься о товарищах».

В вудверг утром, однако, Скол спустился в центр снабжения за набором комбинезонов и свежим выпуском «Генетика». Взяв журнал и одежду, он прошел по рядам дальше и оказался перед секцией для рисования. Посмотрел на стопку зеленых альбомов; не пятьсот, конечно, но штук семьдесят или восемьдесят, и никто ими не интересуется.

Он пошел прочь, думая, что, наверное, спятил. И все же, если бы Карл пообещал не рисовать, когда не положено...

Скол вернулся — «Любой человек может в свободное время немножко порисовать, так ведь?» — и взял альбом и упаковку угольных стержней; с колотящимся сердцем и трясущимися руками встал в самую короткую очередь; глубоко вдохнул, потом еще и еще раз.

Приложил к сканеру браслет и стикеры комбинезонов, «Генетика» и угля с альбомом. Все одобрено. Он уступил место следующему товарищу и вернулся в общежитие.

У Карла было пусто, постель разобрана. Скол положил комбинезоны себе на полку, а журнал на стол. Дрожащей рукой написал на первой странице альбома «С условием: только в свободное время». Потом бросил рисовальные принадлежности на свою кровать и раскрыл «Генетик».

Появился Карл и начал застилать постель.

— Это твое? — указал Скол на альбом и уголь. — Кто-то забыл.

— Ах да. Спасибо. — Карл подошел и взял их. — Большое спасибо.

— Ставил бы хоть цифроимя на первой странице, если кидаешь где попало.

Карл вернулся к себе и открыл первый лист; поглядел на Скола, поднял правую руку и одними губами произнес:

— Клянусь любовью к Семье.

Они вместе поехали вниз на занятия.

— Обязательно было портить страницу? — спросил Карл.

Скол ухмыльнулся.

— Я не шучу. Тебе не приходило в голову, что записку можно написать на ненужном клочке бумаги?

— Вуд, Уэй, Иисус и Маркс!

В декабре того же 152 года пришла ужасающая весть об эпидемии Серой Смерти, за девять коротких дней уничтожившей все, кроме одной, марсианские колонии. В Академии генетических наук, как и прочих научно-исследовательских учреждениях, наступило беспомощное молчание, сменившееся трауром и затем всеобщей решимостью помочь Семье преодолеть это сокрушительное поражение. Все трудились упорнее и больше: занимались по воскресеньям; в Рождество отдыхали только полдня; свободное время было сокращено наполовину. Только генетика могла сделать грядущие поколения жизнеспособнее. Каждый стремился поскорее закончить обучение и приступить к первому настоящему заданию. «СНОВА НА МАРС!» — кричали со всех стен белыми буквами черные плакаты.

Этот порыв продержался несколько месяцев. Первый полный выходной дали только на Рождество Маркса, и никто не знал, что с ним делать. Скол и Карл с девушками переехали на лодке на остров в парке аттракционов и устроились загорать на огромном плоском валуне.

Карл рисовал свою подружку. Скол подумал, что впервые он взялся за изображение человека.

В июне Скол снова запросил для него альбом.

Учеба закончилась на пять месяцев раньше, и они получили распределение: Скол в исследовательскую лабораторию вирусной генетики в США90058, Карл — в Институт энзимологии в ЯП50319.

Вечером накануне отъезда из Академии они упаковывали дорожные сумки. Карл вытаскивал из ящиков стола зеленые альбомы — десяток из одного, пять из другого, потом еще несколько. Бросил стопку на постель.

— Не пытайся запихнуть все это в сумку — бесполезно, — заметил Скол.

— И не собирался. Они мне не нужны — там нет чистых страниц. — Он сел на кровать и полистал альбом, время от времени вырывая страницы.

— Можно и мне что-нибудь?

— Валяй. — Карл швырнул ему альбом.

В основном это были зарисовки из Музея доунификационной истории. Скол выбрал воина в кольчуге с арбалетом на плече и почесывающуюся человекообразную обезьяну.

Карл сгреб несколько альбомов и понес их к мусоропроводу. Скол взял следующий.

Посреди деревьев, вдали от глухих городских зданий, стояли нагие мужчина и женщина. Странно высокие, красивые и какие-то благородные. Женщина сильно отличалась — не только половыми органами, но и длинными волосами, выступающей грудью и общей мягкой выпуклостью форм. Рисунок был великолепен, и все-таки что-то в нем — а что, Скол и сам не знал — его встревожило.

Он листал страницы. Еще мужчины и женщины. Скупые решительные штрихи — художник оттачивал мастерство. Лучшие рисунки Карла. И в каждом что-то было не так, словно чего-то не хватало, какая-то дисгармония, обозначить которую Сколу никак не удавалось.

Вдруг он похолодел.

Браслеты! Их нет!

Снова полистал для проверки. От напряжения свело живот. Да, браслетов не было. Ни на одной работе. И никаких сомнений, что они закончены, — в углу каждой стояла обведенная кружком «А».

Он перешел к себе и сел на кровать; Карл вернулся, взял оставшиеся альбомы и с улыбкой их унес.

В зале были танцы, но из-за Марса — вялые и недолгие. Потом Скол пошел с девушкой в ее кабинку.

— Что случилось? — спросила она.

То же самое сказал Карл, когда утром они складывали одеяла.

— Что стряслось, Ли?

— Ничего.

— Грустно уезжать?

— Немного.

— Мне тоже. Давай выброшу твои простыни.

— Его цифроимя?

— Карл УЛ 35С7497.

Ли ЮБ записал.

— Что именно беспокоит?

Скол вытер ладони о бедра.

— Он рисует товарищей.

— Агрессивные действия?

— Нет. Они просто стоят, сидят, трахаются, играют с детьми.

— Ну и?

Скол отвел глаза.

— На них нет браслетов.

Ли ЮБ молчал. Скол поднял голову; наставник смотрел на него в упор.

— Рисунков много? — спросил он секунду спустя.

— Целый альбом.

— И все без браслетов?

— Да.

Ли ЮБ втянул воздух и выдохнул несколькими отрывистыми пыхами, не разжимая зубы.

Посмотрел на блокнот.

— КУЛ 35С7497?

Скол кивнул.

Он разорвал изображение воина с арбалетом (агрессивное) и обезьяну. Отнес в мусоропровод. Уложил последние вещи в сумку: кусачки для ногтей, зубную щетку, фотографию родителей и дедушки Яна в рамочке, — поднажал и застегнул.

Пришла девушка Карла и сумкой на плече.

— Где он?

— В медцентре.

— А-а. Передай, что я заходила попрощаться.

— Конечно.

Они чмокнули друг друга в щеку.

— Пока.

— Пока.

Она ушла. Мимо проходили другие студенты, теперь уже бывшие; улыбались и говорили «до свидания».

Скол оглянулся на опустевшую кабинку. Рисунок лошади все еще висел на доске для объявлений. Он подошел и снова посмотрел на вставшего на дыбы жеребца, такого живого и неистового. Почему бы Карлу и дальше не рисовать животных в зоопарке? Зачем он перешел на людей?

Внутри зародилось чувство, — зародилось и росло, — что он поступил дурно, сказав Ли ЮБ про рисунки. Хотя разве не нужно помогать заболевшему брату? Неправильно было бы не сказать, как он делал прежде, и позволить Карлу рисовать товарищей без браслетов и усугублять недуг. В конце концов Карл мог начать рисовать агрессию. Драки.

Разумеется, он прав.

Однако чувство, что он поступил плохо, осталось и крепло, неосознанно превращаясь в вину.

Раздались шаги, и Скол стремительно обернулся, думая, что это Карл идет его благодарить. Оказалось, мимо просто прошел кто-то из уезжающих.

А ведь именно так и будет. Карл вернется из медцентра. «Спасибо за помощь. Теперь мне намного легче». — «Не меня благодари, брат. Спасибо Уни».

Внезапно Сколу захотелось исчезнуть, чтобы не принимать слова благодарности; он схватил сумку и бросился прочь. Потом вдруг запнулся в нерешительности, вернулся и сунул изображение лошади к остальным вещам, между страниц блокнота.

Боясь, что Карл его нагонит, он рысью спускался по эскалаторам, задевал товарищей, извинялся... Добежал до самого низа, где располагалась железнодорожная станция, и бросился к длинной очереди едущих в аэропорт. Стоял, не поворачивая головы.

Наконец оказался у сканера, секунду посмотрел на него и коснулся браслетом. Замигал зеленый огонек.

Скол торопливо шагнул вперед.

Часть вторая
Пробуждение к жизни

С июля 153-го по маркс 162-го Скол получил четыре задания: два в исследовательских лабораториях в США; одно, непродолжительное, в Институте генной инженерии в Инд, где он прослушал курс лекций по новейшим разработкам в области индукции мутаций; и пятилетнее — на заводе по производству химических веществ в Кит. Ему дважды повышали квалификацию и к 162-му сделали генетиком-систематиком второго разряда.

Внешне в эти годы он вел себя как обычный, удовлетворенный член Семьи. Добросовестно работал, участвовал в местных спортивных и праздничных мероприятиях; еженедельно имел половое сношение; раз в месяц звонил родителям и дважды в год их навещал; стабильно и вовремя приходил на просмотр телепередач и встречи с наставником; не жаловался ни на какой физический или психологический дискомфорт.

Внутри, однако, Скол был весьма далек от нормы. Чувство вины, с которым он покинул академию, побудило к скрытности в общении с новым наставником. Он лелеял это сильное, хоть и неприятное чувство, ибо оно, как ни странно, позволяло острее ощущать жизнь. А умалчивая о напряжении и разыгрывая перед наставником роль довольного, безмятежного человека, он с годами погрузился в состояние общей настороженности и начал закрываться и от остальных. Все казалось спорным: макси-кейки, комбинезоны, стандартные комнаты, мысли товарищей и особенно работа, которая, как он видел, вела только к упрочению вселенской одинаковости. Альтернативы, конечно, не имелось, он не мог ее себе представить, но сторонился окружающих, во всем сомневался и лишь первые несколько дней после очередной терапии был тем, кем притворялся.

Одно в мире казалось неоспоримо правильным: изображение лошади. Скол вставил его в рамку — не из центра снабжения, а самодельную, из отодранных от задней стенки ящика и зачищенных деревянных планок — и вешал у себя на стену в США, Инд, Кит... Смотреть на него было несравнимо приятнее, чем на «Уэй обращается к химиотерапевтам», «Маркс за работой» или «Изгнание торговцев из храма».

В Кит он стал подумывать о женитьбе, однако ему сообщили, что он не допущен к воспроизводству, и идея сама собой отпала.

В середине маркса 162-го, незадолго до того, как ему исполнилось двадцать семь, Скола вновь перевели в Институт генной инженерии в ИНД26110 и приписали к только что созданному Центру классификации. Новые микроскопы обнаружили доселе незаметные различия в генах, и он был в числе сорока систематиков второго и третьего разряда, которым поручили разрабатывать подклассы. Жил он в четырех зданиях от Центра, ежедневно совершал короткую прогулку пешком до работы и обратно и вскоре нашел себе девушку, этажом ниже. Нового наставника, младше его на год, звали Боб РО. Жизнь пошла по накатанной дорожке.

Как-то апрельским вечером, собираясь почистить зубы и лечь спать, Скол обнаружил, что из головки зубной щетки торчит что-то белое. В замешательстве вытащил сложенную втрое, плотно скрученную прямоугольную записку и прочитал следующий машинописный текст:

«Товарищ, вы не такой, как все: размышляете, к примеру, какая профессия вам по вкусу. Хотите познакомиться с другими необычными? Не торопитесь с ответом. Вы живы только

отчасти и даже не представляете, как с нашей помощью все изменится».

Скола поразило, что кому-то известно его прошлое, и встревожила секретность, а также фраза «Вы живы только отчасти». Странное утверждение. Что бы оно значило? К чему все это послание? И какой дурак додумался сунуть его в зубную щетку?... Вдруг осенило, что лучше места не найти — здесь он обязательно его увидит, причем только он один. Хорошо, тогда кто же этот ловкач? Зайти сюда вечером или днем мог любой. В комнате побывали, по крайней мере, двое — на столе лежали записки от Миры СК, его девушки, и секретаря клуба фотолюбителей.

Скол почистил зубы, забрался в постель и перечитал загадочный текст. Его автор или кто-то еще из «необычных», видимо, имеет доступ к базе данных Уникомпа, и детских мыслей о выборе профессии оказалось достаточно, чтобы сделать вывод, будто Скол с ними заодно. Заодно ли? Они ненормальны, сомнений нет. А он? Он разве нормален? «Даже не представляете, как с нашей помощью все изменится». Что это значит? Какой помощью? В чем? И если он захочет встретиться, что тогда делать? Судя по всему, ждать следующей записки, какого-то знака. Тут сказано: «Не торопитесь с ответом».

Прозвенел последний звонок. Скол свернул обратно бумажку и сунул ее в корешок «Живой мудрости Уэя» на тумбочке. Выключил свет и стал думать. Мысли текли тревожные, но странные и интересные. «Хотите познакомиться с другими необычными?»

Он ничего не сказал Бобу РО. Всякий раз, возвращаясь к себе, проверял щетку, а по дороге на работу и домой, перед телевизором, в очереди в столовой или центре снабжения оглядывал товарищей в ожидании многозначительной фразы или взгляда и манящего кивка головой. Безрезультатно.

Через четыре дня он начал думать, что кто-то из больных товарищей просто пошутил или того хуже ему устроили проверку. Вдруг записку оставил сам Боб РО, чтобы поглядеть на его реакцию?

Вначале Скол заинтересовался, даже обрадовался и на что-то надеялся, толком не зная, на что. Теперь же — дни шли, а новой весточки не поступало — был разочарован и сердит.

И вот тогда-то, через неделю после первой, в зубной щетке появилась вторая записка: такая же сложенная втрое и скрученная бумажка. Опять нахлынули волнение и надежда. Скол развернул ее и прочитал:

«Если хотите встретиться и узнать подробности, приходите завтра вечером в 11:15 на Нижнюю площадь Христа между корпусами Ж16 и Ж18. Не касайтесь сканеров. Если увидите рядом товарищей, идите другой дорогой. Я буду ждать до 11:30».

Внизу, как подпись, было напечатано: «Снежинка».

Редкие прохожие, устремив взгляд перед собой, спешили по домам. Сделать крюк пришлось только раз. Скол прибавил шагу и оказался на Нижней площади Христа ровно в 11:15; пересек залитое призрачным светом белое пространство с выключенным фонтаном, в котором отражалась луна, и нашел Ж16 и темный проход, соединяющий его с Ж18.

Никого. Вдруг в тени, на расстоянии нескольких метров, он различил белый комбинезон и на нем, кажется, красный крест медработника. Подошел к товарищу, который молча стоял у стены Ж16.

— Снежинка?

— Да.

Голос женский.

— Касался сканеров?

— Нет.

— Забавное чувство, правда?

На ней была какая-то бледная тонкая, плотно прилегающая маска.

— Я так уже делал.

— Вот и молодец.

— Только однажды, и не по своей воле.

Она была старше. Насколько — он затруднялся определить.

— До нашего места идти пять минут. Нас шестеро, четыре женщины и двое мужчин — кошмарное соотношение. Надеюсь, ты его поправишь. Мы сделаем тебе предложение, и если ты его примешь, то однажды сможешь стать одним из нас; если нет, сегодняшняя встреча будет последней. В таком случае важно, чтобы ты не знал, как мы выглядим и где собираемся. — Она вытащила из кармана что-то белое. — Придется завязать тебе глаза. Отсюда и комбинезон врача — я тебя поведу и никто ничего не заподозрит.

— В такой-то час?

— Уже опробовано. Не возражаешь?

Он пожал плечами.

— Наверно, нет.

— Положи на глаза. — Она протянула два клочка ваты.

Скол приложил вату. Снежинка начала бинтовать вокруг головы и глаз; он убрал пальцы и наклонил голову, чтобы ей было удобно. Она наматывала все новые круги, частично захватывая лоб и щеки.

— Ты точно не из медцентра?

Она прыснула.

— Гарантирую.

Затем плотно прижала кончик липкого бинта, разгладила и поправила повязку, взяла его за руку и повернула в сторону площади.

— Не забудь свою маску, — сказал Скол.

Снежинка вздрогнула.

— Спасибо, что напомнил. — Она на секунду отпустила его руку, и они пошли.

В открытом пространстве их шаги изменились, стали бесшумными; ветерок, гуляющий по площади, охлаждал кожу ниже бинта. Рука Снежинки потянула его по диагонали налево, в противоположную от института сторону.

— Когда будем на месте, я заклею лентой твой и свой браслет. Мы стараемся по возможности не знать цифроимена друг друга. Я твое знаю — я тебя нашла, — но другие нет; для них ты просто потенциальный член. Позже, быть может, одному-двум придется сказать.

— Вы проверяете данные на всех, кого сюда переводят?

— Нет, а что?

— Разве не так ты меня «нашла» — потому что я думал о профессиях?

— Осторожно, ступенька вниз. Нет, это просто подтвердило догадку. И еще две ступеньки. Я заметила твой взгляд, взгляд товарища, который не на сто процентов в лоне Семьи. Если присоединишься к нам, научишься различать. Узнала, кто ты, а потом зашла к тебе в комнату и увидела лошадь на стене.

— Лошадь?

— Нет, «Маркс за работой»!.. Конечно, лошадь. Ты рисуешь так, как ни одному нормальному и в голову не придет. Тогда, уже после лошади, посмотрела твою биографию.

Площадь осталась позади; они шли по одной из западных аллей — К или Л, он не мог разобрать.

— А вот и нет. Лошадь нарисовал не я.

— Ты. Ты запрашивал альбомы и угольные стержни.

— Для другого товарища. Моего приятеля по академии.

— Очень интересно! Мошенничество с запросами — самый лучший признак. В любом случае рисунок нравится тебе так сильно, что ты его сохранил и вставил в рамку. Или рамку тоже сделал приятель?

— Нет, я, — улыбнулся Скол. — Ты ничего не упустила.

— Здесь направо.

— Ты наставница?

— Я? Злость!.. Нет, конечно.

— У тебя есть доступ к информации?

— Иногда.

— Работаете в институте?

— Какой любопытный! Кстати, как нам тебя называть вместо ЛИ РМ?

— М-м... Скол.

— Скол? Нет, не первое, что на ум взбредет, а Пират, например, или Тигр. У нас есть Король, Лилия, Леопард, Тихоня и Воробейка.

— Меня так звали в детстве. Я привык.

— Ладно, хотя я бы придумала что-нибудь получше. Знаешь, где мы находимся?

— Нет.

— Отлично. Теперь налево.

Дверь, ступеньки, снова дверь, отдающий эхом зал... Они поворачивали то туда, то сюда, словно обходя произвольно расставленные предметы; поднялись по неработающему эскалатору и прошли по коридору, который изгибался вправо.

Снежинка остановила Скола и попросила поднять запястье; прилепила что-то к браслету и потерла. Скол пощупал: вместо цифроимени — гладкая поверхность. В сочетании с завязанными глазами это породило чувство бестелесности: вот-вот он оторвется от земли, просочится сквозь стены и растворится в пространстве.

Снежинка снова взяла его за руку. Прошли еще немного. Раздался стук. Скрипнула дверь. Послышались голоса, которые тут же смолкли.

— Привет, — сказала Снежинка, выводя его вперед. — Это Скол. Так ему нравится.

Задвигали стульями. Кто-то потряс ему руку.

— Меня зовут Король, — произнес мужской голос. — Рад, что ты решился прийти.

— Спасибо.

Снова рукопожатие, более сильное. Голос тоже мужской, постарше.

— Снежинка говорит, ты отличный художник. Я Леопард.

Еще руки, женские.

— Здравствуй, Скол, я Лилия.

— Воробейка. Надеюсь, будем видеться.

— Тихоня, жена Леопарда. Здравствуй.

Последний голос был старческим, два предыдущих — молодыми.

Скола усадили. Он нащупал перед собой гладкий пустой стол, не прямоугольный — то ли овальный, то ли большой круглый. Присутствующие тоже расселись: Снежинка — справа от него, кто-то еще — слева. Скол уловил запах гари, принюхался. Остальные, судя по всему, ничего не замечали.

— Что-то горит.

— Табак, — ответил слева от него пожилой голос Тихони.

— Табак?

— Мы курим, — пояснила Снежинка. — Хочешь попробовать?

— Нет.

Кое-кто засмеялся.

— От этого не умирают, — произнес откуда-то слева Король. — Подозреваю, что курение в некотором роде даже полезно.

— И очень приятно, — добавила сидящая напротив молодая женщина.

— Спасибо, не надо.

Снова смех и реплики. Потом голоса стихли. Снежинка накрыла его правую руку своей. Он хотел было ее убрать, но сдержался. Идиот. Зачем он пришел? Что делает здесь с повязкой на глазах среди больных товарищей с мнимыми именами? Табак! Сто лет как эту гадость полностью изничтожили. Где только, злость возьми, они его берут?

— Извини за повязку, — произнес Король. — Полагаю, тебе объяснили, почему она необходима.

— Да.

— Я объяснила, — подтвердила Снежинка.

Она больше его не держала, и он убрал руки на колени.

— Мы, как ты уже понял, ненормальны, — сказал Король. — И делаем многое из того, что принято считать нездоровым. Однако мы думаем — нет, убеждены, — что все совсем не так.

Голос был сильным, глубоким и властным. Скол вообразил крупного, могучего мужчину лет сорока.

— Не стану вдаваться в подробности — в твоём нынешнем состоянии они тебя встревожат и расстроят, так же как, очевидно, встревожил и расстроил тот факт, что мы курим. Со временем ты все сам узнаешь, если, конечно, наше знакомство продлится.

— В моём нынешнем состоянии? Что вы имеете в виду?

На секунду воцарилась тишина. Кто-то из женщин кашлянул.

— Ты притуплен и нормализован последней терапией, — ответил Король.

Скол неподвижно глядел в его сторону, пораженный абсурдностью этих слов. Еще немного подумал и произнес:

— Я не притуплен и не нормализован.

— Притуплен, — повторил Король.

— Как и прочие члены Семьи, — добавила Снежинка.

Справа, откуда-то из-за нее, раздался пожилой голос Леопарда:

— Все, не только ты.

— Из чего, по-твоему, состоит терапия? — спросил Король.

— Из вакцин, энзимов, контрацептива, иногда транквилизатора...

— Всегда — транквилизатора, — поправил Король. — А также ЛПК, который сводит к

минимуму агрессию, радость, остроту восприятия и все остальное, на что, драка побери, способен мозг.

— Включая сексуальное желание, — вставила Снежинка.

— Да, — подтвердил Король. — Десять минут механического секса в неделю — ничтожная доля от возможностей человеческого организма.

— Я не верю. Все это ложь.

Его стали убеждать.

— Поверь, Скол!

— Это правда!

— Так и есть!

— Ты же работаешь с генами, — продолжал Король. — Разве не к этому стремится генетика? Убрать агрессию, подчинить половой инстинкт, встроить в психику отзывчивость, послушание и благодарность... А куда генная инженерия ковыряется над ростом и цветом кожи, ее функцию выполняет терапия.

— Терапия нам помогает.

— Она помогает Уни, — возразила женщина напротив.

— И поклонникам Уэя, которые создали Уникомп, — добавил Король. — Терапия не помогает. По крайней мере, вреда от нее гораздо больше. Она превращает нас в роботов.

Скол помотал головой раз, другой...

— Снежинка говорила, — ровным тихим голосом, оправдывая свое прозвище, произнесла Тихоня, — что у тебя есть нездоровые наклонности. Ты никогда не замечал, что они набирают силу перед терапией и ослабевают сразу после нее?

Снежинка добавила:

— Спорим, ты сделал ту рамку за день-два до?

Он на секунду задумался.

— Не помню. Но когда в детстве я думал о разных профессиях, сама идея после терапии казалась глупой и до-У, а накануне была... интересной.

— Вот видишь, — сказал Король.

— Это нездоровый интерес!

— Еще какой здоровый, — возразил Король.

Женщина напротив добавила:

— Ты жил, чувствовал. Любое чувство лучше, чем полное их отсутствие.

Скол вспомнил об укорах совести, которые скрывал от наставников с момента окончания академии, и кивнул.

— Да. Возможно. — Он повернул лицо к Королю, женщине напротив, Леопарду и Снежинке, жалея, что не может открыть глаза. — Я не понимаю: вы тоже проходите терапию. Как...

— Сниженные дозы, — ответила Снежинка.

— Мы добились уменьшения концентрации некоторых компонентов, — пояснил Король. — И не настолько роботы, как думает Уни.

— То же самое мы предлагаем тебе, — продолжила Снежинка. — Шанс больше видеть, чувствовать, делать, получать больше удовольствия.

— И быть более несчастным. Не забудьте предупредить.

Это был голос второй молодой женщины, мягкий и чистый. Она сидела по ту сторону стола, слева, рядом с Королем.

— Неправда, — возразила Снежинка.

— Правда, — произнес чистый, почти девчоночий голос.

Ей не больше двадцати, прикинул Скол.

— Порой ты будешь ненавидеть Христа, Маркса, Вуда и Уэя и мечтать поджечь Уни. Придут мысли сорвать браслет и убежать в горы, как неизлечимые прошлого, чтобы делать то, что хочется, и самому решать, как жить.

— Лилия! — воскликнула Снежинка.

— Будут дни, когда ты возненавидишь нас за то, что мы тебя разбудили и ты перестал быть роботом. В этой вселенной уютно машинам, а люди — изгой.

— Лилия, — повторила Снежинка, — мы хотим привлечь его в нашу компанию, а не отпугнуть. — Она повернулась к Сколу. — Лилия у нас по-настоящему ненормальная.

— В ее словах есть доля правды, — вмешался Король. — Думаю, всем нам порой хочется, чтобы было место, куда можно уйти. Какое-нибудь поселение или община, где ты сам себе хозяин...

— Только не мне, — вставила Снежинка.

— И поскольку такого места нет, — продолжал Король, — иногда мы несчастны. За исключением тебя, Снежинка, я знаю. Да, за редким исключением способность испытывать счастье, судя по всему, предполагает и обратную сторону. Однако, как сказала Воробейка, любое чувство лучше и здоровее, чем полное их отсутствие, и грусть накатывает не так уж часто.

— Еще как часто, — возразила Лилия.

— Ткань! — снова встряла Снежинка. — Хватит уже про плохое.

— Не волнуйся, — заметила с противоположной стороны стола Воробейка, — если он попробует удрать, ты успеешь поставить подножку.

— Ха-ха! Злость!

— Снежинка! Воробейка! — остановил их Король. — Итак, Скол, каков твой ответ? Хочешь уменьшить концентрацию препаратов? Это происходит поэтапно. Первый несложен, и если через месяц тебе не понравятся ощущения, ты можешь сказать наставнику, что тебя совратила группа крайне больных товарищей, личность которых, к сожалению, тебе неизвестна.

После секундного колебания Скол произнес:

— Хорошо. Что нужно делать?

Снежинка сжала его руку.

— Молодец, — прошептала Тихоня.

— Сейчас, только раскурю трубку, — сказал Король.

— Вы все курите?

Резкий запах табака сушил и щекотал ему ноздри.

— В данный момент — нет, — ответила Тихоня. — Только Король, Лилия и Леопард.

— Но каждый пробовал, — добавила Снежинка. — Тут такое дело: то куришь, то бросаешь.

— Где вы берете табак?

— Мы с Тихоней выращиваем, — с гордостью ответил Леопард. — В лесу.

— В лесу?

— Вот-вот.

— У нас два участка, — сказала Тихоня, — а в прошлое воскресенье нашли место для

третьего.

— Скол!

Он повернулся на голос Короля.

— Если коротко, этап номер один — изобразить эффект передозировки: снизить активность в работе, отдыхе, во всем. Немного, не слишком заметно. Сделай небольшую ошибку на работе, через несколько дней — еще одну. Симулируй проблемы с сексом. Прежде чем пойти к девушке, помастурбируй. Тогда неудача будет вполне убедительной.

— Что сделать?

— О ты, здоровый, полностью удовлетворенный член Семьи! — воскликнула Снежинка.

— Доведи себя до оргазма рукой, — объяснил Король. — А потом, когда с девушкой не получится, притворись, что тебе все равно. Хорошо, если она скажет наставнику. Ты своему не говори. Не показывай волнения по поводу ошибок, опозданий на встречи. Пусть другие замечают и докладывают.

— Сделай вид, что дремлешь перед телевизором, — подсказала Воробейка.

— До очередной терапии у тебя десять дней, — продолжал Король. — Если последуешь моим советам, на будущей неделе наставник прощупает тебя на предмет твоей заторможенности. Ты и тут не реагируй. Полная апатия. Справишься — депрессанты немного уменьшат, и через месяц захочется услышать о втором шаге.

— Вроде просто, — заметил Скол.

— Так и есть, — подтвердила Снежинка.

— Мы все справились, сможешь и ты, — добавил Леопард.

— Однако есть одна сложность, — предупредил Король. — Даже при снижении концентрации эффект препаратов в первые дни по-прежнему силен. Ты почувствуешь отвращение к содеянному и захочешь признаться наставнику, чтобы тебя лечили пуще прежнего. Сумеешь ли ты противостоять этому порыву, предугадать невозможно. У нас получилось, у других — нет. За последний год мы предлагали то же самое еще двоим; они успешно симулировали заторможенность, а через день-два после терапии во всем признались.

— Что, если наставник заподозрит неладное? Он, наверно, слышал про те случаи.

— Да, — ответил Король, — но заторможенность бывает и настоящей, когда уменьшается потребность организма в препаратах, так что, если ты убедительно сыграешь роль, все получится. Волноваться надо по поводу приступа откровения.

— Говори себе, — посоветовала Лилия, — что это химия заставляет тебя думать, будто ты болен и нуждаешься в помощи, лекарство, которое тебе впрыснули без твоего согласия.

— Согласия?

— Да, твое тело принадлежит тебе, а не Уни.

— Признаешься ты или выдержишь, — сказал Король, — зависит от резистентности мозга к воздействию препаратов, и тут особенно ничего поделать нельзя. Судя по тому, что мы о тебе знаем, шанс есть.

Последовали еще советы: разок-другой пропустить дневной макси-кейк, лечь в постель до последнего звонка, — а потом Король велел Снежинке отвести его обратно.

— Надеюсь, мы тебя еще увидим, — произнес он. — Без повязки.

— Я тоже надеюсь. — Скол встал и отодвинул стул.

— Удачи! — пожелали ему Тихоня, Воробейка и Леопард.

— Удачи, Скол, — последней сказала Лилия.

— Что будет, если я не поддамся порыву?

— Мы об этом узнаем, — ответил Король, — и кто-нибудь свяжется с тобой дней через десять после терапии.

— Как узнаете?

— Узнаем.

Снежинка взяла его за руку.

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо вам всем.

Ему отвечали «не за что», «пожалуйста, Скол» и «рады помочь». Что-то было не так, и, когда Снежинка выводила его из комнаты, он вдруг понял: они не сказали «спасибо Уни».

Шли медленно, Снежинка держала его за руку не как медсестра, а как девушка, в первый раз в жизни гуляющая с парнем.

— Трудно поверить, — сказал он, — что я сейчас вижу и чувствую не в полную силу.

— Не в полную. Даже не в половину. Сам убедишься.

— Надеюсь.

— Так и будет. Я уверена.

Он улыбнулся.

— Насчет тех двоих ты тоже была уверена?

— Нет... Ну-у, в одном — да.

— Из чего состоит второй шаг?

— Сделай сначала первый.

— Сколько их всего?

— Только два. Второй, если получится, обеспечит значительное снижение препаратов. Вот тогда ты по-настоящему оживешь. Кстати, о шагах — сейчас три ступеньки вверх.

Они поднялись и продолжили путь; вышли на площадь. Стояла полная тишина, даже ветер куда-то пропал.

— Лучшее — это секс. Гораздо ярче, упоительней, и можно трахаться почти каждый день.

— Невероятно.

— И помни, пожалуйста, кто тебя нашел. Если хотя бы посмотришь в сторону Воробейки, я тебя убью.

Скол вздрогнул и приказал себе не сходить с ума.

— Извини, совершу в отношении тебя агрессивные действия, — поправилась она. — Мегаагрессивные.

— Ничего, ты меня не испугала... А Лилия? На нее можно?

— Пялься сколько угодно. Она любит Короля.

— Да ну?

— С первобытной страстью. Он создал нашу группу. Сначала присоединилась она, потом Леопард с Тихоней, я и Воробейка.

Их шаги зазвучали громче и гулче. Снежинка остановилась.

— Пришли.

Ее пальцы взяли за кончик бинта, и он наклонил голову. Она снимала повязку, отлепляя ее от кожи, по которой мгновенно пробежал холодок, разматывала дальше и дальше и наконец убрала вату. Он потер глаза и поморгал.

Снежинка стояла совсем рядом, засовывая повязку в комбинезон и дерзко поглядывая на

него в лунном сиянии. Она уже успела надеть маску. «Это же не маска!» — вдруг оторопело понял он. Она была светлокожей. Таких светлых товарищей он и не видал, разве что среди тех, кому под шестьдесят. Совсем белая. Почти как снег.

— Маска на месте, — произнесла она.

— Извини.

— Да ладно, — она улыбнулась. — Мы все по-своему странные. Вон у тебя глаз какой. Лет тридцать пять, острые черты, в глазах светится ум, волосы недавно подстрижены.

— Прости, — повторил он.

— Говорю же, не за что.

— Ничего, что я теперь знаю твою внешность?

— Скажу тебе вот что: не справишься — плевать я хотела, если нас всех залечат. Наверное, даже предпочту.

Она взяла лицо Скола обеими руками; ее язык коснулся его губ, проник внутрь, затрепетал. Крепко держа его голову, она прижалась к нему бедрами и сделала несколько круговых движений. Тело ответило эрекцией. Скол положил руки ей на спину и нерешительно двинулся языком ей навстречу.

Снежинка отстранилась.

— Учитывая, что это середина недели, надежда есть.

— Вуд, Уэй, Иисус и Маркс! У вас все так целуются?

— Только я, брат. Только я.

Они повторили опыт.

— Теперь ступай домой. Не касайся сканеров.

Скол сделал шаг назад.

— Увидимся через месяц.

— Да уж постарайся, драка тебя возьми. Удачи!

Он вышел на площадь и повернул в сторону института. Оглянулся. Между глухими стенами зданий зиял в лунном свете совершенно пустой проход.

Боб РО поднял глаза и улыбнулся из-за стола.

— Ты опоздал.

— Прости, — ответил Скол, усаживаясь.

Боб закрыл белый файл с красной закладкой.

— Как дела?

— Хорошо.

— Неделя прошла нормально?

— Ага.

Боб секунду смотрел на него, опершись локтем о ручку кресла и потирая нос.

— Хочешь поговорить?

Скол помолчал, потом мотнул головой.

— Нет.

— Вроде ты вчера несколько часов выполнял чужую работу?

Скол кивнул.

— По ошибке взял не ту пробирку.

— Перепутал бирку — взял не ту пробирку, — усмехнулся Боб.

Скол непонимающе поднял глаза.

— Шутка. Бирка — пробирка.

— А-а, — Скол улыбнулся в ответ.

Боб подпер подбородок, касаясь пальцами рта.

— Что случилось в пятницу?

— В пятницу?

— Я слышал, ты перепутал микроскоп.

Скол, казалось, не мог сразу сообразить.

— А-а, да. Вообще-то я его не трогал. Только зашел в кабинку. Настроек я не менял.

— То есть неделя выдалась не очень.

— Можно сказать и так.

— Мира СК говорит, в субботу вечером у тебя были сложности.

— Сложности?

— Сексуальные.

Скол потряс головой.

— Ничего такого. Просто я был не в настроении.

— Она говорит, ты пытался, но эрекция не наступила.

— Попробовал, ради нее, а вообще мне не хотелось.

Боб молча его разглядывал.

— Просто я устал.

— В последнее время ты как-то часто устаешь. Ты поэтому в пятницу вечером пропустил фотоклуб?

— Да, рано завалился спать.

— А сейчас как самочувствие? Опять усталость?

— Нет, нормально.

Боб посмотрел на него и с улыбкой выпрямился в кресле.

— О'кей, брат. Коснись и можешь идти.

Скол дотронулся браслетом до сканера телекомпа и встал.

— До встречи через неделю, — произнес Боб.

— Да.

— Не опаздывай.

Скол, который уже направился к двери, снова посмотрел на него.

— Что?

— В следующий раз не опаздывай.

— А-а. Да. — Он развернулся и вышел.

Скол считал, что справился неплохо, но проверить было невозможно, и по мере приближения очередной терапии он все больше нервничал. С каждым часом мысли о грядущем обострении чувств будоражили сильнее, а Снежинка, Король, Лилия и другие вызывали интерес и восхищение. Ну курят. И что? Это счастливые и здоровые товарищи — нет, люди! — которые нашли лазейку из стерильности, одинаковости и всеобщей механической правильности. Он хотел снова с ними встретиться; хотел целовать и обнимать необычно светлокожую Снежинку; по-дружески, на равных беседовать с Королем; слушать странные и волнующие речи Лилии. «Твое тело принадлежит тебе, а не Уни». Какое обескураживающее утверждение, прямо-таки до-У! Если оно не голословно, то следующие из него выводы приведут к... Он не мог придумать, к чему. К какому-то радикально новому взгляду на мир!

Так было накануне терапии. Он долго не мог уснуть, потом поднимался со связанными руками на заснеженную вершину, с удовольствием курил табак под руководством дружелюбного, улыбчивого Короля, расстегивал комбинезон Снежинки, глядя на ее белоснежное тело с красным крестом от шеи до ног, катался на старой, еще с баранкой, машине по коридорам огромного Центра генного умерщвления. У него был новый браслет с именем «Скол», а в комнате — окно, сквозь которое он смотрел на прелестную нагую девушку, поливавшую куст лилий. Она нетерпеливо поманила его, Скол пошел — и проснулся бодрый, энергичный и радостный, несмотря на странные сны, более живые и реальные, чем те пять или шесть, которые он видел за всю жизнь.

Наутро, в пятницу, у него была терапия. Журчание-жужжание-укол длились на долю секунды меньше, и, опуская рукав, Скол чувствовал себя все так же бодро и самим собой — последователем группы необычных, который видит яркие сны и водит за нос Семью с Уни. Он притворно медленно побрел в Центр, сообразив, что сейчас как никогда важно разыгрывать заторможенность, если хочешь добиться еще большего снижения препаратов в неизвестном и непонятно когда начинающемся этапе номер два. Скол радовался своей смекалке, удивляясь, что Король и компания этот момент упустили. Возможно, думали, что после терапии он будет в полном ауте.

В тот день на работе он сделал маленькую ошибочку: в присутствии еще одного генетика-систематика второго разряда начал печатать отчет, повернув микрофон не той стороной. Из-за этого обмана ему стало немного совестно.

Вечером, к своему удивлению, он по-настоящему задремал перед телевизором, хотя показывали довольно интересную передачу про новый радиотелескоп в Изр. И позже, на занятии фотоклуба, так клевал носом, что пришлось извиниться и пойти к себе. Он разделся, не потрудившись выбросить грязный комбинезон, забрался в постель без пижамы и

выключил свет, гадая, что ему приснится на сей раз.

Пробудился Скол в страхе, с мыслью, что болен и нуждается в помощи. Почему? Он сделал что-то плохое?

И тут он вспомнил и, почти не в силах поверить в случившееся, потряс головой. Невероятно! Да как же это?! Неужели он настолько... поддался дурному влиянию горстки нездоровых товарищей, что сознательно допускал ошибки, хотел обмануть Боба РО (и, быть может, преуспел!), лелеял враждебные мысли по отношению ко всей его любящей Семье? О Вуд, Уэй, Иисус и Маркс!

Он вспомнил слова той молоденькой, «Лилии»: считать себя больным заставляет лекарство, впрыснутое ему без его согласия. Согласия! При чем тут оно? Терапия поддерживает твоё здоровье и благополучие, а значит, здоровье и благополучие всей Семьи, неотъемлемой частью которой ты являешься! Даже до Унификации, в хаосе и безумии двадцатого века, у больного брюшным или сыпучим — или как его там — тифом не спрашивали согласия, а просто лечили. Согласие!.. И он преспокойно слушал ее бредни и ничего не возразил!

Прозвучал сигнал к подъему, и Скол с нетерпением выпрыгнул из кровати, желая скорее загладить свои немислимые прегрешения. Выбросил вчерашний комбинезон, умылся, пригладил волосы, оделся и заправил постель; пошел в столовую и сел среди товарищей, сгорая от желания помочь, что-нибудь дать, продемонстрировать, что он верный и любящий, а не больной злоумышленник, каким был накануне. Сосед слева доедал макси-кейк.

— Хотите, поделюсь с вами? — предложил Скол.

Товарищ смутился.

— Нет, что вы. Но спасибо, вы очень добры.

— Я не добр, — ответил он, хотя слышать похвалу было приятно.

Затем поспешил в Центр и явился туда за восемь минут до начала. Взял свой образец, не перепутав пробирки, пошел к своему микроскопу, правильно надел очки и сделал все точно по инструкции. Почтительно запрашивал информацию (прости мои оскорбления, всезнающий Уни) и смиренно вносил новые данные (вот точная и достоверная информация о гене НФ5049).

Заглянул начальник отдела.

— Как оно?

— Отлично, Боб.

— Вот и хорошо.

К полудню, однако, стало хуже. Как же они, бедные больные? Он бросит их, беспомощных, с табаком, сниженной терапией и допотопными идеями? Завязав глаза, ему не оставили выбора. Их не вычислить.

Хотя... Он видел Снежинку. Сколько в городе женщин ее возраста с такой светлой кожей? Три? Четыре? Пять? Если Боб РО сделает запрос, Уни в мгновение ока выдаст их цифроимена. Когда ее найдут и пролечат, она назовет еще кого-то, а те — остальных. Всю группу можно разыскать и привести в норму за день-два.

Как Карла.

Эта мысль его остановила. Он помог Карлу и ощутил вину, за которую потом держался годы и годы, она не отступала и сейчас, став его частью. О Иисус Христос и Уэй Ли Чунь, как далеко зашла болезнь!

— Ты в порядке, брат? — спросила сидевшая напротив пожилая женщина.

— Да, все хорошо. — Он улыбнулся и поднес ко рту макси-кейк.

— У тебя вдруг стало озабоченное лицо.

— Да нет. Забыл кое-что сделать.

— А-а.

Помогать или не помогать? Как правильно? Он знал, как неправильно: не помочь, бросить, наплевать на товарищей.

Однако сомневался, что и помочь — правильно. А как может быть сразу и то и другое?

После обеда Скол работал с меньшим рвением, хотя добросовестно и без ошибок, все делая как следует. В конце дня завалился навзничь на кровать, нажимая основанием ладоней на глаза, отчего перед внутренним взором заплясали радужные круги. Он снова слышал голоса больных, видел, как нарочно берет не ту пробирку, попусту тратит время и энергию Семьи, не по назначению использует ее оборудование. Прозвучал сигнал к ужину, но он слишком запутался в мыслях и остался лежать.

Позвонила Мира СК.

— Я в холле. Жду тебя уже двадцать минут. Без десяти восемь!

— Извини. Спускаюсь.

После концерта пошли к ней.

— В чем дело?

— Не знаю. Последние дни я что-то сам не свой.

Она покачала головой и принялась активнее гладить его поникший член.

— Ничего не понимаю. Ты сказал наставнику? Я своему — да.

— Я тоже. Слушай, — он убрал ее руку, — на шестнадцатый этаж заехала целая группа новых товарищей. Найди себе кого-нибудь еще.

— Наверно, придется, — грустно ответила она.

— Вот-вот. Давай.

— Вообще ничего не понимаю. — Она встала с постели.

Скол вернулся к себе, разделся и, вопреки ожиданиям, сразу уснул.

В воскресенье он почувствовал себя еще хуже. Надеялся, что позвонит Боб, увидит, что он не в порядке, и вытянет из него правду — так можно сбросить груз с плеч и в то же время избежать ответственности и чувства вины. Скол сидел в комнате, глядя на экран телефона. Позвонили из футбольной команды; он ответил, что нездоров.

В полдень отправился в столовую, наспех поел и вернулся к себе. Позвонили из Центра — спросить чье-то цифроимя.

Неужели Боб до сих пор не знает о его странном поведении? Мира должна была рассказать. И товарищ из футбольной команды. И та женщина вчера в столовой. Наверняка ведь догадалась, что он лукавит, и запомнила его цифроимя! (Только полюбуйтесь: он ждет помощи от Семьи, а сам хоть кому-нибудь помог?!) Куда запропастился Боб? Хорош наставник!

Больше никто не звонил, ни днем, ни вечером. Один раз музыку прервали ради выпуска последних известий с межгалактического корабля.

В понедельник после завтрака Скол спустился в медцентр. Сканер ответил «нет», но он объяснил дежурному, что хочет поговорить с наставником, тот сделал запрос по телекомпу, и все сканеры заморгали «да», «да», «да». Часы в полупустом помещении показывали 07:50.

Скол сел в кабинке Боба, сложил руки на коленях и стал еще раз обдумывать, в каком порядке будет рассказывать: сначала о ложной заторможенности, потом о членах группы, что

они говорили, делали и как их найти через Снежинку, и, наконец, о безотчетном нездоровом чувстве вины, которое он скрывал все эти годы после случая с Карлом. Первый пункт, второй, третий. Ему назначат дополнительную терапию, чтобы компенсировать то, что он недополучил в пятницу, и он выйдет из медцентра удовлетворенным членом Семьи, здоровым душой и телом.

Твое тело принадлежит тебе, а не Уни.

Допотопный бред. В Уни сосредоточена воля и мудрость Семьи. Уни его создал, дал ему пищу, одежду, кров, профессию. Дал разрешение на само его зачатие. Да, Уни его создал, и отныне...

Помахивая телекомпом, вошел Боб и резко остановился.

— Ли? Привет. Случилось что?

Он поглядел на наставника. Случилось. Не то имя. Он Скол, а не Ли. Опустил глаза на браслет: Ли RM35M4419. Почему он ожидал увидеть «Скол»? Разве у него был когда-то другой браслет? Ах да, во сне, в том странном счастливом сне, где его поманила девушка...

— Ли! — Боб поставил телекомп на пол.

Уни назвал его Ли. В честь Уэя. А он Скол, осколок своих предков. Кто же он? Ли? Скол? Ли?

— В чем дело, брат? — Боб наклонился и взял его за плечо.

— Я пришел.

— Зачем?

Скол растерялся.

— Ты просил не опаздывать. — Он с тревогой посмотрел на Боба. — Я не опоздал?

— Опоздал?! — Боб отступил и прищурился. — Братец, ты явился на день раньше. Тебе назначено во вторник.

Скол поднялся.

— Прости. Тогда я пошел в Центр.

Он двинулся к выходу, но Боб поймал его за руку.

— Обожди.

Со стуком упал телекомп.

— Я в порядке. Попугал дни. Приду завтра. — Он высвободил руку.

— Ли!

Скол не остановился.

Вечером он внимательно смотрел телепередачи: соревнование по легкой атлетике в Арг, эстафету на Венере, новости, танцевальное шоу и «Живую мудрость Уэя», а затем отправился к себе. Хотел зажечь свет, но не вышло — на выключатель было что-то наклеплено. Резко закрылась дверь, точнее, ее закрыл кто-то, стоящий рядом в темноте. Он уловил дыхание.

— Кто здесь?

— Король и Лилия, — раздался голос Короля.

— Что произошло утром? — спросила от стола Лилия. — Зачем ты ходил к наставнику?

— Чтобы рассказать.

— Но не рассказал.

— А нужно было бы. Уйдите, пожалуйста.

— Вот видишь! — произнес Король, обращаясь к Лилии.

— Все равно надо попытаться, — ответила та.

— Пожалуйста, уходите. Я больше не хочу вас видеть. Я уже не понимаю, что правильно, а что нет. Не знаю даже, кто я.

— У тебя около десяти часов, чтобы это выяснить, — сказал Король. — Утром наставник заберет тебя в центральную больницу. Мы рассчитывали, что осмотр назначат позже, недели через три, после дальнейшей симуляции. Тот самый второй этап. Однако это будет завтра. И, скорее всего, станет шагом назад.

— Не обязательно, — возразила Лилия. — Ты все еще можешь сделать второй шаг, если послушаешь нас.

— Я не хочу слушать. Просто уходите. Пожалуйста.

Они молчали. Король пошевелился.

— Ты что, не понимаешь? — снова начала Лилия. — Если сделаешь, как мы скажем, тебе снизят концентрацию препаратов. А если нет, вернут прежние дозы. Вероятно, даже увеличат. Так, Король?

— Да.

— Чтобы «защитить» тебя. Чтобы ты больше никогда и не помыслил вырваться. Понимаешь? — Ее голос зазвучал ближе. — Другого шанса не будет. Ты станешь роботом на всю оставшуюся жизнь.

— Нет, не роботом, а членом Семьи. Здоровым товарищем, который выполняет задание — помогает Семье.

— Зря стараешься, Лилия, — промолвил Король. — Спустя несколько дней ты, может, до него и достучалась бы, а сейчас слишком рано.

— Почему ты утром не признался? Ты пошел к наставнику. Почему все ему не рассказал, как другие?

— Я собирался.

— И что помешало?

Скол повернулся прочь от ее голоса.

— Он назвал меня Ли. А я думал, я Скол. Все перепуталось...

— Так и есть! — Лилия подошла еще ближе. — Твое имя Скол, а не номер, который назначил Уни. Ты Скол, человек, размышлявший, какая профессия ему нравится. Ему, а не Уни!

В смятении он отодвинулся, затем повернулся лицом к неясным фигурам в комбинезонах: миниатюрной Лилии в двух метрах от него и Королю, справа, на фоне светлых очертаний двери.

— Не смей ругать Уни! Он дал нам все!

— Только то, что мы сами ему дали. Он отказал нам в гораздо большем.

— Он позволил нам родиться!

— А скольким не позволит? Твоим детям. Моим.

— В смысле? По-твоему, любой, кто захочет, может иметь детей?

— Вот именно.

Он помотал головой, отступил, опустился на постель. Она подошла и села на корточки, положив руки ему на колени.

— Пожалуйста, Скол. Мне не стоило бы говорить, пока ты в таком состоянии, но прошу тебя, поверь мне. Поверь нам. Мы не больные, мы — здоровые. Это мир вокруг болен — с одурманенными, исполнительными и услужливыми товарищами. Сделай, как я тебе скажу.

Стань здоровым. Пожалуйста!

Ее искренний порыв тронул Скола. Он попробовал рассмотреть ее лицо.

— Какое тебе до меня дело?

Захотелось накрыть ее маленькие теплые руки своими. Скол с трудом различил ее глаза, большие и менее раскосые, чем у других. Необычные и прекрасные.

— Нас совсем мало, — ответила Лилия. — Если будет больше, кто знает, вдруг получится куда-нибудь убежать и жить свободно.

— Как неизлечимые.

— Тебя приучили так их называть. А может, на самом деле они были непобедимые и неподдающиеся.

Он снова всмотрелся в ее лицо.

— Мы принесли капсулы, которые замедлят рефлексy и снизят давление. Анализ крови покажет, что ты страдаешь от передозировки. Если выпьешь их утром до прихода наставника, в медцентре будешь вести себя, как мы скажем, и правильно ответишь на вопросы, то завтрашний день станет вторым шагом, а ты — здоровым.

— И несчастным.

— Да. — По голосу было слышно, что она улыбается. — Несчастливым в том числе, хотя не настолько, как я говорила. Меня иногда заносит.

— В среднем каждые пять минут, — пробурчал Король.

Она убрала руки с его колен и встала.

— Согласен?

Скол разрывался.

— Покажите капсулы.

Король подошел ближе.

— После посмотришь. Они здесь. — Он вложил ему в руку маленькую гладкую коробочку. — Красную надо принять сегодня, а остальные две — как только встанешь.

— Где вы их берете?

— Один из нас работает в медцентре.

— Решайся, — произнесла Лилия. — Хочешь узнать, что нужно делать?

Он потряс коробочку, но ничего не услышал; посмотрел на смутные ждущие его ответа фигуры и кивнул.

— Хорошо.

Лилия села рядом на кровать, а Король пододвинул стул. Начался инструктаж. Сколу велели напрягать мышцы перед метаболическим тестом и смотреть поверх объекта при измерении глубинного зрения; научили, что говорить врачу и старшему наставнику; велели быть готовым к неожиданным звукам за спиной и предупредили, что его могут оставить одного, якобы забыв на столе отчет, и наблюдать. В основном говорила Лилия. Она дважды его коснулась: сначала ноги, потом плеча. Один раз он сам хотел дотронуться, но она мгновенно убрала руку.

— Это крайне важно, — произнес Король.

— Простите, что?

— Не игнорировать полностью. Отчет не игнорировать.

— Обрати на него внимание, — продолжала Лилия. — Взгляни и сделай вид, что лень читать. Как будто тебе, в общем, все равно.

Когда они закончили, было совсем поздно; звонок к отбою прозвучал полчаса назад.

— Лучше уходить по одному, — решил Король. — Сначала ты. Жди меня за углом.

Лилия встала. Скол тоже. Она нащупала его руку.

— Ты справишься, я знаю.

— Постараюсь. Спасибо, что пришли.

— Пожалуйста.

Он надеялся разглядеть ее, когда она будет выходить в коридор, но Король встал между ними, а потом дверь закрылась.

Секунду они с Королем молча стояли друг напротив друга.

— Помни. Красную капсулу — сейчас, две другие — когда проснешься.

— Ясно. — Скол нащупал в кармане коробочку.

— Должно пройти гладко.

— Не знаю, столько всего надо упомянуть.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Аппарат, преобразующий устную речь в печатный текст. Слово, вероятно, создано автором по аналогии с термином «речепис» (speakwrite) из романа Дж. Оруэлла «1984».